

26.83(516)
Ш 73

П. Ю. Шмидтъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ
УЧЕБНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Корея и корейцы.

**ДАР
Л. ПОЛЕВОГО**

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

76 274

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Мая 1900 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

РАД
ОТДЕЛЕНІЮ

Природа страны.

Корея расположена на сѣверо-восточной окраинѣ азіатскаго материка, на обширномъ полуостровѣ, который далеко выдается въ море и отдѣляетъ Желтое море отъ Японскаго. Самый сѣверный пунктъ Кореи находится близъ впаденія рѣки Хунь-чунь-хэ въ рѣку Тумы(е)нь-улу подъ $43^{\circ} 2'$ сѣв. шир., самый южный — на островѣ Жиффаръ подъ $33^{\circ} 7'$ сѣв. шир., самый восточный—на островѣ Да-желеть подъ $130^{\circ} 54'$ вост. долг. отъ Гринвича и самый западный— у устья рѣки Ялу подъ $124^{\circ} 34'$ восточ. долг.; такимъ образомъ, Корея расположена между широтою Марсея и Триподи (на сѣверномъ берегу Африки). По площади, опредѣляемой въ 218192 кв. километра, страна эта соотвѣтствуетъ приблизительно Италіи, и по формѣ своей, а отчасти и по распредѣленію горъ на своей поверхности, Корейскій полуостровъ также напоминаетъ до нѣкоторой степени Апеннинскій. Наибольшее протяженіе этотъ полуостровъ имѣетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, около 900 верстъ; ширина его въ самомъ узкомъ мѣстѣ равняется всего 130 верстамъ, и даже наиболѣе удаленные отъ берега пункты въ Корей отстоятъ отъ моря не болѣе какъ на 200 верстъ.

Съ сѣвера Корея примыкаетъ на небольшомъ протяженіи къ нашему Уссурійскому краю, отграничиваясь отъ него низовьями рѣки Тумынь-улы, и на всемъ остальномъ протяженіи прилегаетъ къ Маньчжуріи, отъ которой ее отграничиваютъ та же Тумынь-ула и рѣка Ялу. Южная оконечность Корейскаго полуострова отдѣляется неширокимъ Корейскимъ проливомъ отъ самаго южнаго изъ острововъ Японіи, острова Кіу-Сіу, притомъ посрединѣ пролива располагаются острова Цу-Сима, что дѣлаетъ Корейскій проливъ удобопроезжимымъ даже для относительно небольшихъ судовъ. Корейскій проливъ шириною всего лишь около 150 верстъ, и южный портовый городъ Кореи Фузанъ отстоитъ въ 18 часахъ хода отъ Нагасаки.

Примыкая на сѣверѣ къ матеріку Азіи и отдѣляясь на югѣ легко-проходимымъ проливомъ отъ острововъ Японіи, Корейскій полу-

островъ является какъ бы мостомъ, перекинутымъ съ континента къ этимъ островкамъ и облегчающимъ доступъ къ нимъ. Должно замѣтить, однако, что мостъ этотъ все же не является особенно удобнымъ для сообщенія, такъ какъ, не говоря уже про то, что онъ все же отдѣленъ отъ Японіи проливомъ, онъ и по самой своей природѣ представляетъ нѣкоторыя затрудненія при передвиженіи, такъ какъ Корея является сплошь странюю гористою, пересѣченною множествомъ горныхъ хребтовъ, хотя и невысокихъ, но нерѣдко крутыхъ и обрывистыхъ.

Особенно гористою является та часть страны, которая замыкаетъ съ сѣвера доступъ на Корейскій полуостровъ, приблизительно подобно тому, какъ Альпы ограждаютъ съ сѣвера Апеннинскій. Вся часть страны, лежащая къ сѣверу отъ самаго узкаго мѣста полуострова, т.-е. приблизительно отъ параллели Гензана, представляетъ собою сложную горную страну, слагающуюся изъ ряда хребтовъ, раздѣленныхъ узкими долинами. Главнѣйшій изъ этихъ хребтовъ, образующій водораздѣлъ между южными притоками Тумынь-улы и Ялу и рѣчками, которыя впадаютъ въ Японское море, имѣетъ направленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ и, какъ думаютъ нѣкоторые географы, принадлежитъ къ системѣ хребтовъ, особенно ясно выраженной въ Китаѣ. Къ сѣверу и къ югу отъ него отходятъ отроги, и одинъ изъ этихъ отроговъ примыкаетъ къ самой высокой вершинѣ Кореи---горѣ Пэк-ту-санъ, являющейся звеномъ, связующимъ горы Кореи съ хребтами Маньчжуріи. Пэк-ту-санъ (9300 футовъ) представляетъ собою потухшій вулканъ, въ кратерѣ котораго находится небольшое озеро. Снаружи эта гора имѣетъ видъ очень значительной столообразной возвышенности со сравнительно пологими скатами и кольцеобразнымъ гребнемъ на вершинѣ, обрывающимся внутрь кратера чрезвычайно крутыми, мѣстами совершенно отвѣсными стѣнами. Вся гора сложена, повидимому, изъ новѣйшихъ вулканическихъ породъ, и вершина ея во многихъ мѣстахъ покрыта пластами бѣловатой пемзы, что дало поводъ къ ошибочному предположенію о томъ, будто гора эта покрыта вѣчнымъ снѣгомъ.

За исключеніемъ Пэк-ту-сана, мы не встрѣчаемъ въ Корее вовсе вулкановъ, и всѣ хребты страны имѣютъ складчатый характеръ и являются горами древняго происхожденія. На самомъ Корейскомъ полуостровѣ различается Главный или Основной хребетъ, который имѣетъ преимущественно меридіональное направленіе и, подобно Апеннинскому, тянется ближе къ восточному берегу полуострова, давая отъ себя къ западу большое количество отроговъ, отходящихъ въ направленіи, болѣе или менѣе приближающемся къ широтному. Средняя высота главнаго хребта достигаетъ на сѣверѣ около 5000 фу-

товъ и къ югу постепенно уменьшается, такъ что на самой южной оконечности полуострова хребты имѣютъ уже характеръ скорѣе холмовъ, чѣмъ горъ. Къ западному побережью Корейскаго полуострова хребетъ спускается довольно круто, и берегъ является мало изрѣзаннымъ заливами, которыхъ здѣсь очень немного. Съ другой стороны, къ восточному берегу склоны Главнаго хребта гораздо болѣе пологи, и, благодаря большому количеству отходящихъ отъ хребта отроговъ, которые продолжаютъ, постепенно понижаясь, до самаго побережья, послѣднее является сильно изрѣзаннымъ, и море передъ нимъ усѣяно множествомъ мелкихъ островковъ, которые несомнѣнно оторваны имъ отъ полуострова. Точно также и южный берегъ Кореи является сильно изрѣзаннымъ и изобилуетъ островами; большая часть послѣднихъ очень не велика, и лишь островъ Квельпартъ достигаетъ болѣе значительныхъ размѣровъ.

Расположеніе хребтовъ имѣетъ немаловажное значеніе въ исторической жизни страны и въ значительной степени обуславливаетъ ея судьбы. Извѣстно, что движенія народовъ совершаются обыкновенно вдоль главныхъ хребтовъ, и хребты поперечнаго направленія служатъ для нихъ нерѣдко значительнымъ препятствіемъ. Корея, казалось бы, хорошо защищена съ сѣвера трудно-проходимой горной страной отъ вторженія сосѣднихъ народностей. Въ дѣйствительности, однако, эта защита не совершенна,—на востокѣ у устья Тумынь-улы и на западѣ у устья рѣки Ялу имѣются проходы, позволяющіе вторгаться въ страну сосѣднимъ народностямъ, и особенно послѣдній изъ этихъ проходовъ, дѣйствительно, игралъ очень важную роль въ исторіи Кореи. Всѣ нашествія враговъ совершались именно чрезъ этотъ проходъ, являющійся единственными болѣе широкими воротами въ Корею изъ Маньчжуріи, такъ какъ къ востоку отъ него вся страна чрезвычайно трудно-проходима для большихъ народныхъ массъ и для войска. Продольное направленіе Главнаго хребта на Корейскомъ полуостровѣ помогало народностямъ двигаться по послѣднему съ сѣвера на югъ или съ юга на сѣверъ, не встрѣчая значительныхъ препятствій, такъ какъ всѣ отроги, тянущіеся въ широтномъ направленіи, слишкомъ незначительны.

Строеніе поверхности обуславливаетъ распредѣленіе прѣсныхъ водъ въ странѣ. При изрѣзанности страны хребтами горъ, въ ней нѣтъ условій, способствующихъ образованію стоячихъ прѣсноводныхъ водоемовъ, и, дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ въ Корей озеръ, за исключеніемъ береговыхъ лагунъ. Зато это же самое обстоятельство обуславливаетъ обильное орошеніе страны рѣками: на отсутствіе проточныхъ водъ ни въ одной области Кореи нельзя пожаловаться.

Самыми значительными водными артеріями являются въ Корей

обѣ пограничныя рѣки: Тумынь-ула и рѣка Ялу или Амнокъ-канъ. Обѣ онѣ берутъ начало съ горнаго массива Пэк-ту-санъ и сбѣгаютъ съ него въ противоположныхъ направленихъ, одна—въ Японское, другая—въ Желтое море, принимая въ себя съ сѣвера и съ юга большое количество притоковъ съ сосѣднихъ хребтовъ. На значительной части своего протяженія обѣ онѣ имѣютъ характеръ горныхъ рѣкъ, съ сильнымъ паденіемъ воды и очень быстрымъ теченіемъ, и лишь въ низовьяхъ текутъ болѣе медленно и плавно и достигаютъ болѣе широкой ширины. Для судоходства какъ Тумынь-ула, такъ и Ялу очень затруднительны и доступны лишь въ низовьяхъ.

Въ соотвѣтствіи съ расположеніемъ хребтовъ по западному побережью Кореи, гдѣ Главный хребетъ подступаетъ близко къ морю, имѣются лишь небольшія рѣчки, совершенно горнаго характера, притомъ очень многочисленныя. Въ западной части полуострова далекое отстояніе Главнаго хребта отъ берега и большое количество боковыхъ отроговъ его позволяютъ соединяться водамъ, сбѣгающимъ съ горъ въ видѣ ручьевъ, въ болѣе крупныя водныя артеріи, и мы встрѣчаемъ здѣсь, идя съ сѣвера къ югу, цѣлый рядъ болѣе крупныхъ рѣкъ, именно рр. Чіонъ-чіонъ-ганъ, Тэ-донъ-ганъ, Ханъ-ганъ, Пенъ-ма-ганъ и Іонъ-санъ-ганъ. Въ южной части полуострова Главный хребетъ дѣлится на два отрога, расходящихся виллообразно; между ними образуется изрѣзанная мелкими хребтами долина, въ которой множество рѣчекъ слагается въ также крупную артерію—рѣку Накъ-тонъ-ганъ. Всѣ эти рѣки, за исключеніемъ развѣ рѣки Ханъ-ганъ, не достигаютъ такого развитія, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное значеніе въ качествѣ путей сообщенія, и по быстротѣ своего теченія, по обилію мелей и по присутствію обыкновенно песчаныхъ баровъ передъ устьемъ очень затруднительны для судоходства. Зато ихъ безчисленные протоки превосходно орошаютъ страну и, въ связи съ достаточно плодородною почвою, дѣлаютъ ее чрезвычайно пригодною для земледѣлія. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и сказывается культурное значеніе рѣкъ Корейскаго полуострова.

Располагаясь приблизительно въ тѣхъ же широтахъ, какъ три главныхъ острова Японіи, Корея, казалось бы, должна была бы имѣть и близкій къ японскому климатъ. При сравненіи ея климата съ таковымъ Японіи, лучше всего видно, однако, какъ сильно вліяетъ на климатическія условія положеніе страны по отношенію къ континентальнымъ массамъ и воднымъ пространствамъ. Главнѣйшими причинами, опредѣляющими особенности климата Кореи, являются, впрочемъ, тѣ же самыя условія, на которыя мы уже указывали при очеркѣ природы Японіи, именно зимніе и лѣтніе муссонныя вѣтры восточной окраины Азіи.

При непосредственномъ прилеганиі Корейскаго полуострова къ континенту, холодные зимніе вѣтры, несущіеся изъ центральной части материка, съ запада и съ сѣверо-запада, оказываютъ на Корею гораздо бѣльшее вліяніе, чѣмъ на Японію, и дѣлаютъ зиму на полуостровѣ несравненно болѣе холодною: имъ приходится миновать лишь Желтое море, которое неглубоко и потому само сильно охлаждается въ зимнее время. Вслѣдствіе этого зима на Корейскомъ полуостровѣ мало отличается отъ зимы въ Маньчжуріи и сѣверномъ Китаѣ.

Лѣтомъ южные муссонные вѣтры несутся на Корейскій полуостровъ съ юга и юго-востока и являются, въ противоположность сухимъ зимнимъ муссонамъ, сильно насыщенными влагою. Это обуславливаетъ то же самое явленіе, какъ въ Японіи: относительную сухость воздуха и малую облачность зимою и чрезвычайное обиліе атмосферическихъ осадковъ въ лѣтнее время, особенно въ такъ называемый періодъ дождей въ іюнѣ и іюлѣ. По количеству осадковъ лѣтомъ Корея все же уступаетъ Японіи, такъ какъ значительная часть влаги, увлекаемая муссонами, отлагается по дорогѣ на японскихъ островахъ. Лѣто въ Корейѣ отличается сильными жарами, такъ какъ климатъ не умѣряется моремъ въ такой степени, какъ въ Японіи. Вообще климатъ Кореи должно назвать болѣе континентальнымъ, т.-е. обладающимъ болѣе значительными крайностями тепла и холода, чѣмъ въ Японіи; онъ приближается, однако, къ морскому въ томъ отношеніи, что весна является болѣе холодною, чѣмъ осень. Это объясняется тѣмъ, что на моряхъ въ сосѣдствѣ Кореи зимою образуется много льда, который весною при таяніи значительно охлаждаетъ воздухъ надъ моремъ. По сравненію съ климатомъ Европы подъ соотвѣтствующими широтами, климатъ Кореи является гораздо болѣе холоднымъ зимою и болѣе жаркимъ лѣтомъ.

Само собою разумѣется, что въ такой гористой странѣ, какъ Корея, немалое значеніе въ смыслѣ образованія климата имѣетъ также и распредѣленіе горныхъ хребтовъ. Главный хребетъ, тянущійся вдоль полуострова, ближе къ его восточному берегу, нѣсколько защищаетъ восточное побережье Кореи отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ и дѣлаетъ его климатъ болѣе мягкимъ, чѣмъ на западномъ склонѣ хребта, — зимою температура спускается здѣсь рѣдко до 12° Ц. ниже 0° , тогда какъ по западному побережью довольно часто достигаетъ 20° Ц., и снѣгъ лежитъ здѣсь въ сѣверной части полуострова толстымъ слоемъ въ нѣсколько футовъ. Лѣтомъ на восточномъ побережьи Кореи не наблюдается такихъ сильныхъ жаровъ, какъ на западномъ, такъ какъ глубокое и относительно холодное Японское море сильнѣе умѣряетъ температуру лѣтнихъ жаровъ, чѣмъ прилегающее къ Корейѣ съ запада

Желтое море, которое вслѣдствіе своей незначительной глубины сильно прогревается и не можетъ и лѣтомъ оказывать такого умѣряющаго вліянія.

Нѣкоторое представленіе о климатѣ въ различныхъ пунктахъ Кореи даетъ слѣдующая табличка среднихъ мѣсячныхъ температуръ въ градусахъ Ц. изъ трехлѣтнихъ наблюдений; для сравненія приводятся и температуры Владивостока и Нагасаки.

	Владиво- стокъ.	Чемуль- по.	Сеуль.	Ген- зань.	Фу- зань.	Нага- саки.
Январь	—14.9	3.5	— 5.6	— 3.2	4.1	5.8
Февраль	—11.1	— 2.0	— 1.6	— 0.6	5.8	6.6
Мартъ	— 2.8	4.9	4.0	4.6	9.3	9.6
Апрѣль	4.5	10.2	11.2	10.5	12.9	14.9
Май	10.6	15.8	17.3	16.5	17.1	18.5
Іюнь	13.6	19.8	21.1	20.6	20.6	22.0
Іюль	19.4	24.1	25.0	23.6	24.5	26.3
Августъ	21.6	25.9	26.4	25.4	26.6	27.2
Сентябрь	16.8	20.3	19.8	20.0	23.1	24.1
Октябрь	8.4	14.1	13.0	13.7	17.2	18.8
Ноябрь	— 0.1	7.6	6.2	7.7	12.3	12.5
Декабрь	— 7.5	1.9	0.6	— 2.3	8.5	7.7
Средняя годовая . .	4.5	11.6	11.5	11.7	15.2	16.1
Минималн. темп. въ году	—25.6	—12.9	—15.9	—13.1	— 4.3	— 4.9
Максималн. темп. въ году	30.6	33.8	35.2	34.6	31.6	35.7

Что касается замерзанія водъ, то по восточному побережью море сравнительно рѣдко покрывается льдомъ даже на сѣверѣ, тогда какъ по западному берегу замерзаютъ заливы и бухты; сѣвернѣе 37° сѣв. шир. судоходство зимою прекращается. Рѣки Ялу, Тумынь-ула, Тодонъ-гань и Ханъ-гань зимою замерзаютъ настолько, что по нимъ возможна перевозка тяжестей по льду.

Подобно тому какъ въ Японіи, лѣтній періодъ дождей влечетъ за собою въ Корей сильнѣйшій разливъ рѣкъ и значительныя наводненія, которыми нерѣдко сносятся цѣлыя деревни и уничтожаются на огромномъ протяженіи посѣвы. Особенно изобилуютъ атмосферическими осадками южныя области Кореи, которыя сильнѣе страдают и отъ наводненій.

Въ общемъ, можно сказать, что климатъ Кореи является какъ бы среднимъ и промежуточнымъ между климатомъ Маньчжуріи и климатомъ Японіи. При явственной континентальности онъ приближается нѣкоторыми чертами, въ особенности обиліемъ осадковъ, къ японскому, но вслѣдствіе отсутствія у береговъ Кореи теплыхъ теченій, которыми охвачена Японія, море не играетъ здѣсь такой умѣряющей роли, и

вліяніе континента беретъ въ Корейскій верхъ въ смыслѣ образованія климата.

Въ зависимости отъ континентальности климата и отъ непосредственной связи съ Маньчжуріей, растительность Кореи во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою флору Маньчжуріи, хотя, съ другой стороны, въ составъ ея входятъ также и многіе элементы, тождественные съ Японіей, особенно въ южныхъ частяхъ Корейскаго полуострова.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнія времена Корея сплошь была покрыта густыми и непроходимыми лѣсами, одѣвавшими и склоны горъ, и долины. Въ настоящее время, однако, эти лѣса сохранились въ значительномъ количествѣ лишь въ самой сѣверной, мало населенной и гористой части страны, тогда какъ въ средней и южной Корейскій они истреблены человекомъ и уцѣлѣли лишь кое-гдѣ въ горахъ, въ наиболѣе недоступныхъ мѣстахъ. Обрывками прежняго лѣсного покрова являются также священныя рощи, сохранившіяся мѣстами въ долинахъ Кореи. По характеру своему корейскіе горные лѣса очень близко напоминаютъ собою лѣса Маньчжуріи и являются также смѣшанными. Въ нихъ приходится встрѣчать лиственницы, превосходные корейскіе кедры и японскія ели, чередующіяся съ зарослями дубовъ, березъ, ясеней, орѣха и липы. Подлѣсокъ состоитъ изъ многочисленныхъ низко растущихъ кленовъ, различныхъ породъ вяза, грушъ и яблонь, кустарниковъ крушины и различныхъ видовъ малины, смородины и шиповника. Всѣ эти деревянистыя породы густо перебиваются безчисленными ползучками, въ родѣ японскаго хмеля (*Humulus japonicus*), уссурійской лианы (*Maximowiczia chinensis*), дикаго винограда и др. Здѣсь можно встрѣтить почти всѣхъ представителей нашей уссурійской тайги, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ южныхъ формъ.

Сходство съ маньчжурско-уссурійскою флорою сказывается въ Корейскій и въ травянистой растительности, которая мѣстами покрываетъ склоны горъ, образуя въ южной части страны нерѣдко богатыя пастбища. Нѣсколько болѣе мягкій климатъ южной части корейскаго полуострова обуславливаетъ нахождение здѣсь большого количества южныхъ японскихъ формъ, частью разводимыхъ, частью встрѣчаемыхъ въ дикомъ состояніи. Здѣсь созрѣваютъ уже гранаты, цвѣтутъ древоидныя камелии, встрѣчаются каштановыя деревья, магноліи и японскія софоры (*Sophora angustifolia*); тутъ же разводятся японскіе каки (*Diospyrus kaki*), лаковое дерево (*Rhus vernicifera*), гинко (*Ginkgo biloba*), бумажное дерево, гарденіи и цѣлый рядъ другихъ японскихъ растений. Лимонное дерево, представленное, правда, иными видами, чѣмъ въ Европѣ, доходитъ почти до Сеула, шелковица рас-

пространена по всему Корейскому полуострову, но чайное дерево не находитъ здѣсь достаточно подходящихъ условій для существованія, такъ какъ зимы Кореи для него, повидимому, слишкомъ суровы. Очень многія японскія растенія находятъ въ Корейскую свою сѣверную границу распространенія, причемъ граница эта спускается на Корейскомъ полуостровѣ гораздо болѣе на югъ, чѣмъ въ Японіи, благодаря охлаждающему вліянію континента.

Изъ культурныхъ растеній главнымъ въ Корейскій такъ же, какъ и въ Японіи, является рисъ, воздѣлываніе котораго возможно благодаря достаточно жаркому лѣту и обилію влаги; рисъ культивируется еще въ окрестностяхъ Гензана, но далѣе къ сѣверу замѣщается другими злаками, главнымъ образомъ, просомъ, пшеницею и ячменемъ; оба послѣдніе злака разводятся, впрочемъ, и въ сѣверной и средней Корейскій. Въ самыхъ сѣверныхъ округахъ разводится также овесъ, вывозимый къ намъ въ Приморскую область. Подобно тому какъ въ Японіи, большое значеніе имѣютъ въ Корейскій бобовыя растенія: ихъ разводится довольно много сортовъ, причемъ бобы частью идутъ на кормъ скоту, частью употребляются корейцами въ пищу и служатъ для приготовленія сои, которая составляетъ необходимую принадлежность корейскаго стола.

Огородныя овощи въ Корейскій почти тѣ же, что у насъ, но картофель встрѣчается очень рѣдко, и культура его мало распространена; особенно необходимой приправой въ корейской кухнѣ является красный перецъ; онъ разводится въ огромномъ количествѣ, и осенью крыши корейскихъ домовъ становятся совершенно красными, такъ какъ на нихъ кладутъ стручки перца для просушиванія. Нерѣдко обширныя пространства покрыты грядками тыквъ и дынь или огромныхъ безвкусныхъ огурцовъ. Въ большомъ количествѣ разводится также табакъ, извѣстный въ Корейскій уже нѣсколько столѣтій. Табачныя поля располагаются обыкновенно на возвышенностяхъ или на скатахъ горъ, причемъ предпочитаютъ устраивать ихъ на участкахъ, которые впервые подвергаются обработкѣ. Изъ прядильныхъ растеній въ Корейскій разводятся конопля, японская крапива и хлопчатникъ, тогда какъ ленъ въ этой странѣ совершенно неизвѣстенъ. Хлопчатникъ доходитъ въ Корейскій до Сеула, и культурой его заняты огромныя пространства, такъ какъ хлопчатобумажныя ткани носятъ вся Корея.

Плодовыя деревья разводятся въ Корейскій въ небольшомъ количествѣ и, подобно тому какъ въ Японіи, даютъ плоды водянистые и совершенно непохожіе по вкусу на наши европейскіе. Кромѣ грушъ и яблонь, разводятся абрикосы, сливы, грецкій орѣхъ и каки.

Въ общемъ, можно сказать, что по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Корея—страна, вполне пригодная для широкаго раз-

витія земледѣлія, однако, все же далеко не въ такой степени, какъ Японія. Большое количество различныхъ южныхъ культурныхъ растений, о которыхъ мы говорили выше при характеристикѣ природы Японіи, не можетъ вовсе воздѣлываться въ Корей, или же область, въ которой культура ихъ возможна, ограничивается одною лишь южною оконечностью полуострова, имѣющею и по характеру дикой растительности много общаго съ южною Японіею.

Эти условія сдѣлали и изъ корейца прежде всего земледѣльца и заставили его выработать приблизительно тѣ же приемы обработки земли, какіе мы встрѣчаемъ въ Японіи и въ Китаѣ. По корейскимъ сказаніямъ, впрочемъ, искусство обрабатывать землю перешло въ Корею изъ Китая: воздѣлыванію риса и другимъ приемамъ земледѣлія научилъ корейцевъ, будто бы, выходецъ изъ Китая Ки-Цза, принадлежавшій къ китайскому императорскому дому Шань и жившій болѣе чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х.; онъ же ввелъ въ Корей гражданское устройство, китайскіе законы и письменность, почему послѣ смерти былъ причисленъ къ лику корейскихъ святыхъ, и по настоящее время можно встрѣчать во многихъ городахъ и селеніяхъ Кореи особы посвященные ему храмы. Отсутствие обширныхъ луговыхъ пространствъ стѣснило и въ Корей возможность разведенія скота въ широкихъ размѣрахъ, однако, домашній скотъ играетъ въ Корей все же гораздо большее значеніе въ полевыхъ работахъ и въ перевозкѣ тяжестей, чѣмъ въ Японіи. Корейскіе быки служатъ даже предметомъ обширнаго вывоза въ наши предѣлы и являются главнымъ мяснымъ скотомъ, которымъ живутъ Владивостокъ и Портъ-Артуръ. Меньшая скученность населенія, по сравненію съ Японіею, позволяетъ корейцамъ шире развить земледѣліе, и потому мы не встрѣчаемъ здѣсь такихъ микроскопическихъ полей и плантацій, какъ въ Японіи,—корейскія поля гораздо обширнѣе, но въ то же время и не могутъ сравниться съ японскими по тщательности обработки.

Подобно растительности и животный міръ Кореи примыкаетъ непосредственно по своему составу и характеру къ маньчжурскому. Въ корейскихъ лѣсахъ мы встрѣчаемъ почти тѣхъ же животныхъ, какъ въ уссурійской и маньчжурской тайгѣ. Медвѣдь и барсукъ, куница и соболь, выдра и лисица встрѣчаются здѣсь съ тигромъ, который ни ростомъ, ни силою не уступаетъ бенгальскому и лишь покрытъ болѣе густою и длинною шерстью, оберегающею его отъ зимнихъ холодовъ. Тигръ, впрочемъ, вообще далеко не является животнымъ южнымъ, тропическимъ, какъ мы его привыкли считать,—на востокъ онъ доходитъ даже до устья Амура и переходитъ по льду на островъ Сахалинъ. Нѣсколько видовъ оленей служитъ для корейцевъ предметомъ особаго промысла, именно доставляетъ такъ называемые «панты» —

молодые, только-что образовавшіеся у самцовъ и еще покрытые шерстью рога, которые вывозятся въ Китай и тамъ идутъ на приготовленіе особаго лѣкарственнаго снадобья. Кабаны, кабарга, доставляющая мускусъ, и горная антилопа являются главною крупною дичью и составляютъ предметъ охоты въ сѣверной Корей. Впрочемъ, въ средней и южной Корей, вслѣдствіе многочисленности населенія, всѣ крупныя дикія животныя почти уже истреблены и сохранились лишь въ наименѣе доступныхъ мѣстахъ.

Имѣются указанія на то, что въ южной Корей водятся обезьяны, однако, съ достовѣрностью этотъ фактъ пока еще не подтвержденъ. Изъ мелкихъ млекопитающихъ мы встрѣчаемъ въ Корей также свойственныхъ лѣсамъ Маньчжуріи и Уссурійскаго края бѣлокъ, бурундуковъ, летягъ, ежей, кротовъ и зайцевъ. Къ берегамъ Кореи зимою подходятъ изъ сѣверныхъ водъ многочисленныя стада китовъ, дельфиновъ, и появляются нѣкоторыя виды тюленей.

Фауна птицъ въ Корей близко примыкаетъ къ маньчжурской и уссурійской, но заключаетъ въ себѣ также и очень большой процентъ птицъ, водящихся въ Японіи: изъ извѣстнаго до сихъ поръ 301 вида птицъ, замѣченныхъ въ Корей, въ Японіи встрѣчается 279 видовъ. При обилии въ странѣ проточныхъ водъ и рисовыхъ полей особенно многочисленны въ Корей голенастыя, между которыми бросаются въ глаза японскіе ибисы, корейскіе бѣлые аисты и цапли. Предметомъ охоты служатъ многочисленные въ сѣверныхъ областяхъ страны фазаны.

Между пресмыкающимися въ Корей встрѣчаются въ гораздо бѣльшемъ количествѣ видовъ, чѣмъ въ Японіи, ядовитыя змѣи и ящерицы; въ корейскихъ рѣкахъ водятся сильно кусающіяся черепахи-триониксы (*Trionyx*). Существуетъ старинное указаніе, будто въ водахъ южной Кореи встрѣчаются крокодилы, однако, по всей вѣроятности, оно ошибочно.

Моря, окружающія Корею, не согрѣваются теплыми теченіями и далеко не въ такой степени изобилуютъ рыбою и другими животными, какъ теплыя японскія воды, потому и рыболовство не развилось въ Корей до такой степени и не достигло такого совершенства, какъ на островахъ Японіи. Суда и лодки корейцевъ отличаются большою неуклюжестью, и сами корейцы отнюдь не являются опытными мореходами и рыбаками. Возможно, впрочемъ, что тому въ значительной степени способствовала политика изолированности, которой придерживалась страна въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Море не имѣло, повидимому, значительнаго культурнаго вліянія на историческія судьбы Кореи; гораздо бѣльшее значеніе для страны имѣли ея близость и непосредственная связь съ азіатскимъ континентомъ.

Исторія страны.

Происхожденіе корейской народности до сихъ поръ покрыто совершеннымъ мракомъ. По даннымъ китайскихъ историковъ, Корейскій полуостровъ былъ населенъ съ древнѣйшихъ временъ полудикими племенами, пришедшими съ сѣвера и сдѣлавшимися тамъ осѣдлыми. По мнѣнію большинства изслѣдователей, основанному, главнымъ образомъ, на изученіи корейскаго языка, племена эти были родственны тунгузскимъ, монгольскимъ и финскимъ племенамъ и пришли въ Корею съ Амура и Сунгари, откуда и позднѣе, въ историческія времена, къ нимъ присоединялись новые пришельцы. Корейскій языкъ причисляется лингвистами къ языкамъ туранскимъ, т.-е. татарскимъ, и лишь позднѣе, повидимому, въ него вошли многочисленныя слова и обороты китайскаго языка. Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что въ южной Корей обитали съ давнихъ временъ племена совершенно иного происхожденія, именно родственныя малайцамъ. Если это предположеніе вѣрно, то мы должны признать, что и населеніе Кореи сложилось, подобно ея флорѣ и фаунѣ, изъ двухъ элементовъ — сѣвернаго и южнаго.

Болѣе или менѣе достовѣрная исторія Кореи, извѣстная намъ изъ лѣтописи китайскихъ историковъ, начинается съ третьяго вѣка до Р. Х., когда китайская династія Хань, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, обратила свое вниманіе на земли, располагавшіяся на сѣверо-востокъ отъ Китая и пользовавшіяся независимостью. Завоевавъ сперва княжество Янь на границахъ Кореи, гдѣ тогда въ сѣверной части полуострова располагалось основанное китайскимъ выходцемъ Ки-Цза государство Цзо-Сюнь, китайцы возымѣли желаніе завладѣть и этимъ послѣднимъ государствомъ. Послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ попытокъ имъ удалось въ 107 г. до Р. Х. завоевать Цзо-Сюнь, и сѣверная Корея сдѣлалась, болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ, составною частью Китайской Имперіи, въ тѣ времена могущественной и сильной. Въ этотъ-то періодъ, главнымъ образомъ, и совершилось, повидимому, приобщеніе Кореи къ китайской цивилизаціи: въ страну переселилось много выходцевъ изъ Китая, которые перенесли въ нее свои знанія и образованность и позднѣе совершенно слились съ кореннымъ населеніемъ.

Между тѣмъ къ сѣверо-востоку отъ Цзо-Сюня въ окрестностяхъ горы Пэк-ту-сань и въ верховьяхъ Ялу сталъ постепенно усиливаться народъ когуріо, также, повидимому, племя сѣвернаго происхожденія. Какъ сообщаетъ одинъ изъ китайскихъ историковъ, люди этого племени мало занимались земледѣліемъ, но были богаты до-

шадьями и рогатымъ скотомъ; они были независимаго права, ловки, сильны и отважны, любили украшать себя драгоценностями и поклонялись небу, духамъ земли и жатвы, утренней звѣздѣ и небеснымъ невидимымъ силамъ. Нѣкоторыми обычаями они напоминали древнихъ японцевъ и, быть-можетъ, состояли съ ними въ родствѣ. Въ началѣ христіанской эры народъ когуріо сталъ усиливаться и вскорѣ вступилъ въ продолжительную борьбу съ Китаемъ, которая окончилась въ 169 г. по Р. Х. занятіемъ всего государства Цзо-Сіонь, т.-е. сѣверной Кореи и части Маньчжуріи. По изгнаніи оттуда китайцевъ, новые завоеватели основали здѣсь самостоятельное государство Когуріо. Нѣсколько позднѣе, въ III—IV вѣкѣ, въ южной части Корейскаго полуострова сформировались еще два государства—Силла и Пэкь-Цже, и нѣкоторое время всѣ три государства сохраняли свою самостоятельность, хотя и вели между собою постоянныя междуособныя войны, отражая въ то же время притязанія китайцевъ на ихъ территорію.

Начиная съ IV и вплоть до X вѣка, мы видимъ цѣлый рядъ попытокъ со стороны Китая покорить снова отпавшую страну и сдѣлать ее своимъ вассаломъ или данникомъ. Первоначально попытки эти были неудачны, и нѣсколько разъ даже значительныя китайскія арміи не были въ состояніи покорить небольшое, но отчаянно-храброе и воинственное государство Когуріо. Лишь въ VII вѣкѣ удалось китайцамъ благодаря возникшимъ между сосѣдними государствами междуособіямъ покорить сперва государство Пэкь-Цже, затѣмъ въ 664 г.—Когуріо, такъ что независимымъ, хотя и вассальнымъ, и номинально подчиненнымъ Китаю государствомъ осталось въ Корей лишь государство Силла, на югѣ Кореи. Границы этого государства значительно расширились и захватили почти весь Корейскій полуостровъ, и въ теченіе VIII и IX вѣковъ вся страна пользовалась относительнымъ спокойствіемъ, и въ ней замѣчался даже расцвѣтъ заимствованной изъ Китая цивилизаціи.

Такое спокойствіе продолжалось, впрочемъ, недолго. Въ X вѣкѣ на Корейскомъ полуостровѣ вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ одного изъ потомковъ древняго королевскаго рода, который когда-то управлялъ государствомъ Когуріо, нѣкоего Оанъ-Гіоня. Въ Китаѣ въ это время происходили внутреннія междуособія, и приходилось отражать вторженія одной кочевой народности—киданей; все это благопріятствовало Оанъ-Гіоню, и ему удалось подчинить себѣ въ короткое время весь Корейскій полуостровъ, объявить его независимымъ отъ Китая и положить начало новой династіи, которая стала называться, какъ и само новое государство, Ко-Ріо.

Начало царствованія династіи Ко-Ріо было довольно благопо-

лучно. Кореѣ удалось удачно отразить вторженіе въ страну киданей, и затѣмъ около 200 лѣтъ она пользовалась почти полнымъ миромъ и спокойствіемъ. Однако, въ XIII столѣтіи снова появились грозовыя тучи на горизонтѣ: въ степяхъ центральной Азіи зародилось и разрослось могущественное царство монголовъ, которые подъ предводительствомъ Чингизъ-хана пронеслись всеокрушающей лавиной по всему азіатскому материку. Въ 1232 г. монголы вторгнулись въ предѣлы Кореи, захватили 40 городовъ и, лишь послѣ полного признанія ихъ власти, прекратили военныя дѣйствія, посадивъ управлять страню монгольскихъ чиновниковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ противъ чуждыхъ правителей вспыхнуло въ Кореѣ народное возстаніе, для подавленія котораго въ 1241 г. снова вторгнулись въ страну полчища монголовъ, побѣдоносно прошедшія по Кореѣ съ одного ея конца до другого и окончательно покорившія ее подъ власть Чингизъ-хана. Корейскій король принужденъ былъ даже лично отправиться ко двору монгольскаго императора для выраженія покорности, и Корея сдѣлалась вассаломъ монголовъ.

Позднѣе внукъ Чингизъ-хана, Кублай-ханъ, принудилъ Корею принять участіе въ его попыткѣ завоевать Японію, и, хотя попытка эта и окончилась полною неудачею, все же обстоятельство это послужило причиною возникновенія враждебныхъ отношеній къ Кореѣ со стороны ея южныхъ сосѣдей—японцевъ. Какъ извѣстно, монголы завоевали и Китай и основали тамъ монгольскую династію; такимъ образомъ, зависимость Кореи отъ монголовъ была, въ сущности, лишь продолженіемъ зависимости ея отъ Китая. Въ XIV столѣтіи, однако, въ Китаѣ началась борьба народа противъ правителей, и въ 1368 г. монгольская династія пала, и во главѣ имперіи воцарилась китайская династія Минъ. Въ это же время въ Кореѣ, которая почти отпала отъ Китая благодаря царившимъ въ немъ смутамъ, произошла также перемѣна династій. Одинъ изъ военачальниковъ, Исіонъ-ге, низложилъ въ 1392 г. короля династіи Ко-Ріо и основалъ новую династію, подъ древнимъ наименованіемъ Цзо-Сіонъ (или Чоо-Сѣнъ). Въ то же время онъ отправилъ посольство къ китайскому императору съ изъявленіемъ полной покорности и съ просьбою утвердить его на корейскомъ престолѣ. Императоръ, принявъ снова Корею въ свое подданство, заставилъ ее принять въ знакъ полного подчиненія Китаю китайскіе календарь и лѣтосчисленіе.

Въ теченіе двухъ столѣтій Корея подъ покровительствомъ Китая отдыхала отъ внѣшнихъ невзгодъ и нашествій, хотя спокойствіе и нарушалось въ ней нерѣдкими внутренними смутами. Это обстоятельство отчасти ослабило страну, военное дѣло и дисциплина въ ней пали, крѣпости разрушились и пришли въ ветхость. Между тѣмъ надъ

злосчастною странною снова собирались тучи, на этотъ разъ съ юга, со стороны Японіи. Воинственная съ древнѣйшихъ временъ Японія, раздѣрванная долгое время внутренними междоусобицами, къ концу XVI столѣтія сплотилась и окрѣпла. Въ ней начали обнаруживаться завоевательныя стремленія, особенно когда выдѣлился благодаря своимъ военнымъ талантамъ и храбрости отважный вождь Хиде-ёси, который всталъ вскорѣ во главѣ управленія странною. Мечтою Хиде-ёси было завоеваніе всего Китая, но, встрѣтивъ при приведеніи плана въ исполненіе сопротивленіе со стороны корейскаго короля, онъ обрушился прежде всего на Корею.

Огромная японская армія, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 150000 человекъ, была высажена въ Фузанѣ и двинулась на сѣверъ, почти не встрѣчая сопротивленія со стороны неподготовленныхъ и гораздо хуже вооруженныхъ корейцевъ. Одинъ корейскій городъ за другимъ переходилъ въ руки побѣдителя, и уже на 18-й день съ высадки въ Фузанѣ войска заняли Сеулъ, изъ котораго король едва успѣлъ бѣжать въ предѣлы Китая. Утвердившись въ Корей, японцы предполагали отсюда двинуться въ Китай, но въ это время флотъ ихъ потерпѣлъ сильное пораженіе со стороны корейскаго, и это задержало сухопутныя войска. Между тѣмъ, на помощь Корей пришли китайскія военныя силы, съ которыми японцы встрѣтились въ окрестностяхъ Сеула, гдѣ произошло кровопролитное сраженіе. Несмотря на то, что китайскія и корейскія войска были разбиты, японцы не могли воспользоваться своею побѣдою и отошли на югъ, такъ какъ и ихъ войско сильно порѣдѣло отъ битвъ и болѣзней.

Начавшіеся переговоры о мирѣ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ притязаній японцевъ, не имѣли удовлетворительнаго результата, и на слѣдующій годъ Хиде-ёси вторично вторгнулся въ Корею, встрѣтивъ здѣсь, однако, уже болѣе значительное сопротивленіе. Несмотря на то, что снова былъ занятъ Сеулъ, и на этотъ разъ японцамъ пришлось отступить, такъ какъ флотъ ихъ вторично былъ разбитъ корейскимъ. Конецъ этой войнѣ положила смерть Хиде-ёси въ 1598 г., и единственнымъ практическимъ результатомъ для Японіи было лишь занятіе Фузана, гдѣ былъ оставленъ японскій гарнизонъ.

Въ то же время Корея была этими двумя нашествіями японцевъ въ конецъ разорена и очень долгое время не могла отъ нихъ оправиться. Въ началѣ XVII столѣтія на Корею обрушилось новое несчастіе—нашествіе маньчжуръ, которые въ 1627 г. перешли рѣку Ялу, разбили китайскую армію и осадили Сеулъ. Корейскій король просилъ о мирѣ и заключилъ договоръ, по которому призналъ себя вассаломъ правителя маньчжуръ, но, какъ только непріятели удалились изъ страны, онъ самъ нарушилъ этотъ договоръ. Это повлекло за собою вторичное

вторженіе маньчжуръ, которые тогда овладѣли Сеуломъ, взяли въ плѣнъ короля и заставили его заключить новый договоръ, по которому Корея обязывалась отправлять ежегодно посольство съ данью къ маньчжурскому двору. Когда маньчжурская династія завладѣла престоломъ въ Пекинѣ, зависимость Кореи перешла, само собою разумѣется, опять къ Китаю, и до ближайшаго къ намъ времени ежегодно отправлялись изъ Сеула послы въ Пекинъ съ данью, состоявшею изъ разныхъ произведеній страны, въ знакъ подчиненія богдыхану.

Покровительство Китая дало Корей снова на нѣсколько столѣтій относительный миръ и спокойствіе. Оправляясь отъ пережитыхъ ударовъ, Корея, естественно, старалась оградить себя всячески отъ повторенія чего-либо подобнаго въ будущемъ и придерживалась политики полной изолированности. Она не вступала ни въ какія сношенія съ другими государствами и ревниво оберегала свои предѣлы отъ проникновенія въ нихъ иностранцевъ. Даже случайно прибывшие къ берегамъ Кореи европейскіе мореплаватели или умерщвлялись, или кончали свою жизнь въ томительномъ плѣну. Дальнія плаванія корейскихъ судовъ были запрещены, что вызвало полный упадокъ корейскаго судоходства, которое нѣкогда было высоко развито. Даже съ Китаемъ и Японіей сношенія поддерживались лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ Европѣ же Корея слыла «запретною страной».

Такой искусственно созданной стѣны изолированности не пробило и проникновеніе въ Корею христіанства въ началѣ XIX столѣтія. Христіанское вѣроученіе появилось здѣсь впервые помимо европейскихъ миссіонеровъ, такъ какъ первыми христіанами были корейцы, случайно познакомившіеся съ христіанскими сочиненіями и настолько увлекшіеся ими, что они сами отправились въ Пекинъ и тамъ приняли крещеніе. Эти первые корейскіе христіане сдѣлались и первыми проповѣдниками и стали распространять новое вѣроученіе; лишь позднѣе въ Корею проникли католическіе миссіонеры. Очень недолго, однако, христіанство распространялось въ Корей безпрепятственно: вскорѣ правительство и въ особенности конфуціанскіе ученые убѣдились въ томъ, что христіанство подрываетъ всѣ основы національныхъ вѣрованій Кореи и въ то же время сближаетъ корейцевъ съ иностранцами. Это обусловило возникновеніе въ Корей ожесточенныхъ гоненій на христіанъ, при которыхъ кровь новообращенныхъ лилась рѣкою, и многіе изъ нихъ приняли мученическую смерть.

Одно изъ наиболѣе жестокихъ гоненій въ 1866 г., когда погибло нѣсколько французскихъ миссіонеровъ, повлекло за собою первую

попытку европейскаго вмѣшательства въ корейскія дѣла. Французское правительство отправило въ Корею эскадру изъ 7 военныхъ судовъ подъ начальствомъ адмирала Розъ, поручивъ потребовать отъ Кореи удовлетворенія и наказанія убійць французскихъ миссіонеровъ. Эскадра вошла въ рѣку Ганъ (Ханъ), на которой стоитъ Сеулъ, и взяла безъ особаго труда нѣсколько небольшихъ корейскихъ укрѣпленій. Но затѣмъ, при попыткѣ взять укрѣпленный корейскій монастырь, небольшой французскій отрядъ благодаря собственной неосторожности, явившейся слѣдствіемъ черезчуръ легкихъ успѣховъ, былъ разбитъ на-голову корейцами, и это настолько обезкуражило адмирала Розъ, что онъ отплылъ со всей своей эскадрой къ берегамъ Китая. Само собою разумѣется, такой успѣхъ не могъ не вызвать у корейцевъ преувеличеннаго представленія о своей силѣ и о слабости европейскаго оружія. Нѣкоторые историки думаютъ даже, что неудачная попытка французовъ имѣла позднѣе самое фатальное значеніе для всѣхъ европейцевъ на Дальнемъ Востоку и послужила одною изъ причинъ Тянь-Цзинской рѣзни въ 1870 году.

Столь же неудачна была попытка Сѣверо-Американскихъ Штатовъ завязать сношенія съ Кореей подъ угрозой военной силы. Въ 1871 г. въ корейскія воды была отправлена эскадра адмирала Роджерса, чтобы наказать корейцевъ за сожженіе сѣвшей на мель американской шкуны. Эскадра эта вошла въ рѣку Ганъ, сдѣлала высадку и овладѣла нѣсколькими укрѣпленіями, но затѣмъ, не добившись заключенія договора съ корейскимъ правительствомъ и испугавшись большихъ военныхъ приготовленій корейцевъ, покинула Корею. Не удались и попытки со стороны русскаго правительства завязать съ Кореей торговыя сношенія. Первыми прорубили окно въ корейской изолированности и нетерпимости къ иностранцамъ не европейцы, а японцы въ 1876 г. послѣ того, какъ они также послали эскадру для наказанія корейцевъ за нападеніе на японское судно.

Въ 1876 г. Корея заключила торговый договоръ съ Японіей, по которому для японцевъ были открыты Гензанъ и Фузанъ, затѣмъ послѣдовалъ рядъ договоровъ и съ другими державами, именно съ Соединенными Штатами, съ Англіей, Германіей, Россіей, Франціей, Италіей и Австро-Венгріей. Такимъ образомъ, въ началѣ 1880-ыхъ годовъ Корея открыла свои портовые города для торговли съ иностранными державами и допустила иностранцевъ внутрь страны. Она отказалась, наконецъ, отъ своей замкнутости и вступила на путь общенія съ другими государствами. Это, несомнѣнно, послужило къ развитію культуры въ странѣ, къ увеличенію ея виѣшней торговли и оживленію внутренней, но въ то же время явилось также и источникомъ многочисленныхъ бѣдствій, обрушившихся на злосчастную страну въ не-

продолжительномъ времени. О событіяхъ въ Корей за послѣдніа десятилѣтія мы скажемъ, однако, лучше впослѣдствіи, когда ближе познакомимся со страной.

Изъ приведеннаго бѣглаго очерка историческихъ судебъ Кореи ясно, что названіе «Страны Утренняго Спокойствія» дано ей какъ бы въ видѣ злой ироніи. Вся исторія Кореи представляетъ собою почти непрерывный рядъ вторженій въ страну ея сосѣдей или пришлыхъ племенъ то съ сѣвера, то съ юга. Промежуточное положеніе Кореи между азіатскимъ континентомъ и островами Японіи, доступность ея съ той и съ другой стороны, отсутствіе значительныхъ преградъ внутри самой страны и, наконецъ, отчасти, быть-можетъ, нѣкоторая пассивность корейской народности облегчали возможность подобныхъ вторженій. Являясь топографически какъ бы мостомъ, переброшеннымъ съ материка къ островамъ Японіи, Корея отчасти и фактически играла роль такого моста для народностей. Располагаясь между нѣкогда могучей и воинственной Китайской имперіей и также воинственной Японіей, Корея нрѣдко служила между ними яблокомъ раздора и подвергалась нападенію то съ одной, то съ другой стороны.

Тревожная исторія, полная кровавыхъ столкновеній, постоянныя нашествія, разорявшія страну дотла, почти вѣчное иго иноземцевъ не могли не сказаться въ значительной степени и на характерѣ народности, и на развитіи культуры. При такихъ условіяхъ самостоятельная культура не могла развиваться въ Корей, не могла укорениться и окрѣпнуть въ ней и культура, заимствованная отъ Китая. Вотъ почему Корея, вплоть до настоящаго времени, является страной съ наиболѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ среди всѣхъ странъ Дальняго Востока. Корейская народность, повидимому, по самой природѣ своей не особенно воинственная, принуждена была постоянно отстаивать свою самостоятельность и свои права на самостоятельное существованіе. Это не позволило ей развиваться въ другихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что экономическія условія, въ силу постоянныхъ кровавыхъ столкновеній и погромовъ, были чрезвычайно тяжелыми. Тѣмъ удивительнѣе, что все же, несмотря на всѣ неблагопріятныя вліянія, корейская народность не утратила своей оригинальности, сохранила свой языкъ, многія свои вѣрованія, обряды и обычаи, не подпала окончательно подъ вліяніе побѣдителей-китайцевъ и даже не смѣшалась ни съ однимъ изъ народовъ, вторгавшихся въ страну. Быть-можетъ, тому причиной временный характеръ всѣхъ завоеваній Кореи: побѣдители обыкновенно не оставались въ ней и не вступали въ тѣсную связь съ побѣжденнымъ народонаселеніемъ. Многое должно быть, однако, отнесено и на счетъ духовныхъ силъ и способностей, таящихся въ корейской народности и лишь не имѣвшихъ возможности проявиться

въ силу неблагоприятныхъ условій. Стоитъ вспомнить лишь, съ какимъ упорствомъ и героизмомъ отражали корейцы своихъ многочисленныхъ враговъ и отстаивали свою самобытность, чтобы убѣдиться въ томъ, что такія силы, дѣйствительно, дремлютъ въ народѣ, и если не проявляются, то только потому, что народъ задавленъ ударами судьбы и тяжкими экономическими условіями.

Населеніе страны и его бытъ.

Внѣшній типъ корейцевъ изобличаетъ ихъ иное, по сравненію съ ихъ сосѣдями, происхожденіе. Мало-мальски привычный глазъ всегда отличить корейца, при первомъ же мимолетномъ взглядѣ, отъ японца и китайца. Рослый и статный, хорошаго, иногда прямо атлетическаго сложенія, кореецъ нисколько не похожъ ни на приземистаго японца, ни на сутуловатаго китайца. Цвѣтъ кожи его далеко не такой желтый, какъ у типичныхъ представителей монгольской расы, — часто онъ совершенно бронзовый; скулы не выдаются сильно, глаза рѣдко раскосые и узкіе, и вообще лицо не производитъ впечатлѣнія типично-монгольскаго; нерѣдки въ Корей лица совершенно кавказскаго и даже семитическаго типа. Вообще же по своему облику корейцы напоминаютъ скорѣе тюркскія племена, на примѣръ киргизовъ или туркменовъ, особенно въ старости. Интересно, что въ женщинахъ яснѣе сказывается принадлежность къ монгольской расѣ, такъ какъ чаще наблюдаются желтая кожа, узкіе глаза и сильное развитіе скулъ.

Одежда и прическа корейцевъ замѣчательно разнообразны по всей странѣ: все корейское населеніе, отъ самой сѣверной до южной оконечности страны, одѣвается совершенно одинаково, и, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, эта одежда тождественна съ тою, которую носили въ Китаѣ въ царствованіе династіи Минь. Одежда корейцевъ является прекрасно приспособленной къ климатическимъ условіямъ. Основной костюмъ корейца состоитъ изъ кофты, широкихъ шараваръ и сверху просторнаго халата съ широкими рукавами— все это бѣлаго цвѣта и зимою, и лѣтомъ. Въ соответствии съ лѣтними жарами всѣ части одежды дѣлаются лѣтомъ изъ легкой бѣлой матеріи, у бѣдныхъ—бумажной, у богатыхъ—шелковой; зимою та же самая одежда подстегивается ватой и является, конечно, гораздо болѣе теплой, чѣмъ японская, состоящая по существу изъ одного халата. Само собою разумѣется, что это стоитъ въ связи съ болѣе суровыми корейскими зимами. Обувью служатъ корейцамъ короткіе, подстеганные ватой чулки, къ которымъ шаравары привязываются завязками, и соломенные или пенъжовые лапти. Зимою чулки предохраняютъ отъ

холода, а лѣтомъ—отъ сырости и укусовъ комаровъ, что является, быть-можетъ, далеко не лишнимъ, въ виду распространенія въ Корей маляріи *).

Женщины одѣваются въ короткія кофты, закрывающія лишь верхнюю часть груди, и въ юбки. Зимой въ Корей не рѣдкость встрѣтить мѣховую одежду и мѣховыя шапки, безъ чего въ этой странѣ, почти сплошь покрытой снѣгомъ, холодно.

Особенно оригинальны въ Корей прически и шляпы. До женитьбы мальчики и молодые люди носятъ косы, но не такія длинныя и тонкія, какъ у китайцевъ, а короткія и толстыя. Когда же кореецъ женится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становится полноправнымъ гражданиномъ, онъ получаетъ право сдѣлать себѣ настоящую корейскую прическу; послѣдняя состоитъ изъ волосъ, закрученныхъ жгутомъ и завернутыхъ въ узкій и длинный шиньонъ, торчащій на головѣ какъ шишка. Этотъ шиньонъ закалывается булавками и сдерживается шнурками, а чтобы, кромѣ того, волосы по сторонамъ не растрепывались, надѣвается еще особая повязка, сплетенная изъ конскаго волоса и носящая названіе «мангынъ». Такая прическа свойственна всѣмъ женатымъ корейцамъ, безъ различія возраста и общественнаго положенія, и такъ какъ она свидѣтельствуетъ о гражданской правоспособности корейца, то послѣдній старается о томъ, чтобы она всегда была замѣтна. Вотъ почему, быть-можетъ, корейцы и изобрѣли себѣ шляпы, нелѣпыя и неудобныя которыхъ трудно что-либо придумать.

Обыкновенная корейская шляпа состоитъ изъ невысокой тульи и широкихъ полей; тулья эта настолько мала, что прикрываетъ не голову, а лишь одну прическу; шляпа, вслѣдствіе этого, не держится сама по себѣ на головѣ и должна быть привязана завязками. Кромѣ того, эта шляпа совершенно ажурна, такъ какъ плетется или изъ конскаго волоса, или изъ волоконъ расщипаннаго бамбука, окрашенныхъ особою краскою въ черный цвѣтъ. Само собою разумѣется, что шляпа эта, обнаруживающая прическу, не защищаетъ головы ни отъ солнца, ни отъ дождя, ни отъ пыли, и во время дождя даже сама нуждается въ защитѣ или въ видѣ зонтика, или въ видѣ колпака изъ промасленной бумаги, которымъ ее закрываютъ. Впрочемъ, кромѣ такого фасона, въ Корей приходится встрѣчать также и множество другихъ разнообразныхъ шляпъ, нерѣдко самыхъ фантастическихъ формъ и размѣровъ. Во время полевыхъ работъ корейцы надѣваютъ шляпы, сплетенныя изъ бамбука и имѣющія видъ гигантскихъ грибовъ; эти шляпы прекрасно защищаютъ ихъ отъ дождя и отъ солнечнаго зноя.

*) Какъ извѣстно, зараженіе маляріей, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ передается исключительно путемъ укусовъ комаровъ.

Женщины, выходя изъ дому, надѣваютъ иногда вмѣсто покрывала огромныя шляпы, закрывающія не только голову, но и торсъ. Въ траурѣ корейцы надѣваютъ шляпу въ родѣ огромнаго тропическаго шлема; во время дождя нерѣдко пользуются плоскими шляпами-зонтиками изъ промасленной бумаги, аршина полтора въ діаметрѣ; старики носятъ дома колпаки, сплетенные изъ конскаго волоса; у монаховъ, чиновниковъ, торговцевъ, сборщиковъ податей и даже школьниковъ также шляпы особыхъ фасоновъ; наконецъ, у высшихъ сановниковъ черныя шляпы въ видѣ митры съ огромными ушами по бокамъ—символъ ихъ полной готовности прислушиваться къ каждому слову, исходящему изъ устъ повелителя.

У женщинъ прическа гораздо проще мужской, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ и среднихъ классахъ населенія: онѣ просто завязываютъ волосы узломъ или заплетаютъ косы. Зато дамы изъ высшихъ слоевъ корейскаго общества устраиваютъ прическу совершенно невѣроятныхъ размѣровъ, нацѣпляя на голову огромный деревянный ободъ и закалывая взбитые волосы аршинными булавками.

Во время періода дождей корейцевъ спасаютъ такіе же соломенные плащи, какіе употребляются и въ Японіи, но, кромѣ того, здѣсь въ ходу также плащи изъ промасленной бумаги. Последняя выдѣлывается въ Корей такую плотную и прочную, что съ успѣхомъ можетъ замѣнить во многихъ случаяхъ матерію, а пропитанная особымъ масломъ—съ успѣхомъ замѣняетъ клеенку. Надо отмѣтить еще двѣ особенности корейскаго костюма: въ Корей совершенно не извѣстны пуговицы, замѣняемыя завязками, и до самаго послѣдняго времени всѣ части одежды, особенно лѣтней, не сшивались, а склеивались изъ отдѣльныхъ кусковъ особымъ рыбьимъ клеемъ и распарывались при каждой стиркѣ. Костюмъ корейца довершается вѣеромъ, спасающимъ его отъ лѣтняго зноя, и своеобразной корейской трубкой съ тростниковымъ мундштукомъ не менѣе аршина въ длину; сама чашечка для табаку величиною всего съ наперстокъ, такъ что табаку хватаетъ лишь на нѣсколько затяжекъ.

Бѣлый цвѣтъ костюма является столь же характернымъ для Кореи, какъ для Китая синій, и пристрастіе къ нему тѣмъ труднѣе объяснить, что въ своей повседневной жизни корейцы далеко не отличаются особою любовью къ чистоплотности. Между тѣмъ къ бѣлизнѣ своего костюма они относятся съ большею щепетильностью, и корейскимъ женщинамъ стоитъ не малыхъ трудовъ поддержать эту бѣлизну гардероба, тѣмъ болѣе, что въ Корей совершенно неизвѣстно мыло, и вся стирка производится продолжительнымъ полосканьемъ бѣлья и поколачиваніемъ его на валькахъ.

Въ такой же степени, какъ костюмъ, приспособлено къ клима-

тическимъ особенностямъ и жилище корейца. Мы не встрѣчаемъ здѣсь уже бумажныхъ стѣнъ японскихъ домиковъ: стѣны корейскихъ домовъ дѣлаются, въ большинствѣ случаевъ, изъ сырцоваго кирпича или изъ глины, которою вымазывается рѣшетчатый переплетъ деревяннаго остова дома. Лишь окна и двери въ корейскихъ домахъ дѣлаются бумажными, за неимѣніемъ другого прозрачнаго матеріала, такъ какъ стекло почти не извѣстно внутри страны. Необходимымъ условіемъ, вслѣдствіе суровости зимы, является отопленіе, совершенно отсутствующее въ японскихъ домахъ, гдѣ единственную печь составляетъ горшокъ съ углями. Въ Корей система отопленія заимствована изъ Китая и, подобно тому какъ въ китайскихъ домахъ, состоитъ изъ печи, выходящей топкою наружу на дворъ; отъ этой печи отходитъ дымовой ходъ, который зигзагами проходитъ подъ поломъ всѣхъ жилыхъ комнатъ и оканчивается трубою по другую сторону дома. Такимъ устройствомъ достигается большая экономія въ топливѣ, въ качествѣ котораго можно употреблять даже солому, и сильное нагрѣваніе пола, превращающагося въ сплошную лежанку. При полномъ отсутствіи какой-либо мебели, кореецъ дома и сидитъ, и спитъ на полу, почему такого рода отопленіе вполне удовлетворяетъ его.

Единственною домашнею обстановкою являются небольшіе комоды или скорѣе сундуки, въ которыхъ женщины хранятъ свое платье, и низенькіе столики, величиною съ подносъ, служащіе для ѣды. вмѣсто постели въ лучшемъ случаѣ служитъ тонкій тюфячекъ, а вмѣсто подушки—деревянный четырехгранный чурбанъ, вершка 3 въ вышину, который кореецъ подставляетъ себѣ подъ високъ, чтобы не испортить ночью своей драгоценной прически.

Корейская кухня съ небольшимъ очагомъ, надъ которымъ вмазанъ котелъ для варки риса, также не богата хозяйственною утварью: нѣкоторое количество огромныхъ глиняныхъ горшковъ, служащихъ для храненія квашенной рѣдьки, бобовой сои и другихъ приправъ, небольшое количество чашекъ и плошекъ—вотъ и все, что можно найти въ корейскомъ кухонномъ хозяйствѣ. Также незатѣйливъ и обычный столъ корейца. Главнымъ продуктомъ питанія Кореи является, какъ и всюду на востокѣ, рисъ, который употребляютъ прямо варенымъ и ѣдятъ двумя деревянными или металлическими палочками. Къ рису подаются приправы—различные продукты изъ рыбы и мяса, квашенная рѣдька, соя, красный перецъ, древесные грибы, морская капуста и т. п. Въ качествѣ главнаго напитка употребляется та самая вода, въ которой варился рисъ; какъ это ни странно, но, несмотря на близкое сосѣдство Китая и Японіи, чай въ Корей совершенно не извѣстенъ.

Такимъ образомъ, весь домашній обиходъ корейца очень несло-

женъ, и потребности его крайне ограничены. Подобно тому какъ въ Японіи, столь его преимущественно вегетаріанскій: животныя продукты входятъ въ самомъ ничтожномъ количествѣ въ составъ пищевого довольствія корейскаго населенія, и продукты скотоводства почти совершенно отсутствуютъ. Молочнаго скота корейцы не держатъ вовсе, такъ какъ совершенно не знакомы съ молокомъ и молочными продуктами. Бычье мясо идетъ рѣдко въ пищу, а изъ мелкаго скота разводятся лишь свиньи, и, говорятъ, употребляются въ пищу собаки. Вслѣдствіе этого въ Корей, какъ и въ Японіи, главнымъ образомъ, море доставляетъ животныя продукты, и рыболовство развито сильно по берегамъ, хотя и не можетъ поспорить съ японскимъ.

Рабочій скотъ играетъ у корейцевъ болѣе значительную роль, чѣмъ у ихъ восточныхъ сосѣдей, но все же примѣняется сравнительно мало. Слабосильныя корейскія лошади совершенно не пригодны для обработки полей неуклюжимъ и тяжелымъ корейскимъ плугомъ, для этого примѣняются исключительно быки. Впрочемъ, главнымъ работникомъ на поляхъ здѣсь все же оказывается самъ человѣкъ, вооруженный заступомъ. Нерѣдко и пахота совершается на людяхъ: именно къ нижней части лопаты привязываются двѣ веревки, за концы которыхъ берутся два человѣка, тогда какъ третій всаживаетъ лопату въ землю. Его помощники тянутъ за веревки, и такимъ своеобразнымъ способомъ разрыхляется почва.

Корейскихъ земледѣльцевъ нельзя упрекнуть въ лѣни и бездѣятельности. Въ теченіе лѣтняго времени они со всею семьей работаютъ въ полѣ, такъ какъ возни съ рисомъ и другими многочисленными растеніями, культивируемыми въ Корей, очень много. Приходится заботиться о тщательной поливкѣ рисовыхъ полей, о прочности плотинъ. Затѣмъ нужно полоть поля, такъ какъ иначе, при влажномъ и жаркомъ лѣтѣ, они сильно зарастаютъ сорными травами. Вообще уходъ за полями въ Корей немногимъ хуже, чѣмъ у насъ за огородами.

До нѣкоторой степени поля даже и напоминаютъ огороды, такъ какъ въ Корей, подобно тому какъ вообще на Дальнемъ Востокѣ, вездѣ примѣняется «рядовая» культура: поле распахивается узкими рядками, и злаки, бобовыя и другія растенія высѣваются рядами на этихъ рядкахъ. Притомъ нерѣдко поле бываетъ смѣшаннымъ, т.-е. рядка, засѣянная пшеницею, чередуется, на примѣръ, съ такою же рядкою бобовъ, затѣмъ слѣдуетъ опять пшеница и опять бобы и т. д., это позволяетъ снять съ одного поля два сбора — сперва созрѣваетъ и снимается пшеница, тогда бобы могутъ разрастись свободнѣе и даютъ второй сборъ. При тѣхъ климатическихъ условіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Корей, рядовая культура является совершенною необходимостью, такъ какъ если засѣвать поле сплошь, то въ періодъ

дождей вода застаивается на немъ, корни растений подгниваютъ, и на зернахъ злаковъ развиваются различные грибки. Къ тому же при распаханіи грядками значительно легче выпалывать сорныя травы.

Походя своимъ трудолюбіемъ на китайцевъ и японцевъ, корейцы отличаются отъ своихъ сосѣдей, однако, многими другими чертами характера: на нихъ, несомнѣнно, наложила печать полная кровавыхъ столкновений исторія ихъ злополучной страны и постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, вслѣдствіе почти не прекращавшихся нападеній внѣшнихъ враговъ и вслѣдствіе внутреннихъ междоусобиць. Это тревожное прошлое сдѣлало корейца безпечнымъ и мало-заботящимся о будущемъ; оно отняло у него энергію и предприимчивость, лишило инициативы.

Уже по внѣшнему виду своему кореецъ производитъ впечатлѣніе соннаго и вялаго, хотя по существу и не можетъ быть названъ угрюмымъ и необщительнымъ. Онъ не прочь при случаѣ и повеселиться, поболтать съ односельчанами о новостяхъ дня, потолкаться на базарѣ, и, подобно всѣмъ народамъ Востока, отличается чрезвычайнымъ любопытствомъ, такъ что отъ назойливости корейской толпы приходится страдать всѣмъ путешественникамъ. По характеру своему кореецъ, въ большинствѣ случаевъ, добродушенъ, совсѣмъ не проявляетъ воинственности и кровожадности. Лишь окончательно выведенный чѣмъ-нибудь изъ себя, онъ обнаруживаетъ полную необузданность и свирѣпость, свойственную вообще всѣмъ народамъ Азіи.

Несмотря на недоброжелательное отношеніе корейскаго правительства къ иностранцамъ, корейскій народъ вовсе не обнаруживаетъ никакой враждебности къ иноземнымъ путешественникамъ: можно пройти всю Корею безо всякаго конвоя и не примѣняя нигдѣ оружія. Простой народъ производитъ впечатлѣніе безхитростнаго, мало развитаго, но прямого и довѣрчиваго, привыкшаго повиноваться и даже до нѣкоторой степени забитаго. Дѣйствительно, условія, въ которыхъ приходится жить этому народу, мало приглядны не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ. Помимо общаго разоренія страны прежними нашествіями, отъ которыхъ она и до сихъ поръ не можетъ оправиться, помимо низкаго уровня культуры и образованности.—страшнымъ зломъ являются также общее административное нестройство въ Корей и господство полного произвола высшаго чиновнаго класса населенія. Чиновники, очень многочисленные, являются настоящими паразитами, высасывающими изъ населенія всѣ соки и жестоко притѣсняющими его.

Въ значительной степени подъ вліяніемъ историческихъ условій и прежде всего подъ вліяніемъ продолжительнаго тѣснаго сближенія съ Китаемъ сложился и семейный бытъ корейцевъ. Подобно тому

какъ вездѣ на Востокѣ, первое мѣсто въ корейской семьѣ принадлежитъ мужчинѣ; женщина же занимаетъ мѣсто совершенно второстепенное и, по корейскимъ понятіямъ, представляетъ собою существо неизмѣримо низшее, съ которымъ мужчинѣ не только не подобаетъ совѣтоваться или вообще разговаривать о чемъ-нибудь серьезномъ, но къ которому онъ не долженъ проявлять даже ничѣмъ своей привязанности. Мужъ не несетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своей женѣ, являясь въ то же время ея полновластнымъ хозяиномъ, отъ котораго она находится въ полной зависимости. Еще въ очень недавнія времена жена, уличенная въ невѣрности мужу, жестоко наказывалась палками и отдавалась въ рабство, а въ древности ее подвергали даже смертной казни. Между тѣмъ мужчина вовсе не обязанъ сохранять вѣрности; по корейскимъ обычаямъ, онъ можетъ содержать сколько угодно незаконныхъ женъ и наложницъ.

Вступаютъ въ бракъ корейцы часто въ очень молодомъ возрастѣ: въ Корей приходится встрѣчать мальчиковъ 12-ти, 13-ти лѣтъ уже женатыхъ и потому щеголяющихъ своей своеобразной прической и шляпой. У корейцевъ изъ высшихъ сословій нерѣдко женятъ дѣтей даже 7-ми, 8-ми лѣтъ, причемъ жена бываетъ иногда старше своего мужа. Положеніе женщины въ корейской семьѣ является далеко не легкимъ, тѣмъ болѣе, что на женѣ лежатъ не только все домашнее хозяйство и заботы о дѣтяхъ и мужѣ, но и значительная часть полевыхъ работъ, въ которыхъ она является главной помощницей мужа.

Еще болѣе подчиненнымъ является, однако, положеніе въ семьѣ дѣтей, хотя бы даже и взрослыхъ. Въ силу того, что вмѣстѣ съ китайской цивилизаціей корейцы восприняли и конфуціанское міровоззрѣніе, и конфуціанскую мораль, которая глубоко вкоренилась и вошла въ ихъ плоть и кровь; безпредѣльное уваженіе и глубокое почитаніе своихъ родителей, въ особенности отца, сдѣлалось главною основою отношеній дѣтей къ родителямъ. Кореецъ обязанъ при жизни родителей безпрекословно слушаться ихъ во всемъ, выказывать имъ полнѣйшее уваженіе, всѣмъ рѣшительно жертвовать для нихъ, а послѣ ихъ смерти долженъ носить по нимъ цѣлыхъ три года глубокой трауръ, оплакивать ихъ и приносить жертвы ихъ душамъ. Ни одна добродѣтель не цѣнится въ Корей такъ высоко, какъ сыновняя преданность; тѣ, кто особенно обнаружилъ ее, пользуются при жизни большимъ почетомъ и уваженіемъ, а послѣ смерти удостоиваются даже нерѣдко особыхъ памятниковъ или конфуціанскихъ часовенъ, въ которыхъ хранятся надписи, описывающія ихъ дѣянія.

Подчиненность дѣтей родителямъ, младшихъ—старшимъ, подчиненность подданныхъ монарху являются главными основами, съ одной стороны, конфуціанской религіи, съ другой — всего государственнаго

устройства Кореи, заимствованнаго отъ Китая. Этотъ культъ родителей, связанный съ культомъ еще болѣе отдаленныхъ предковъ, является несомнѣннымъ результатомъ китайскаго вліянія на Корею, такъ какъ онъ уже гораздо слабѣе сказывается въ Японіи и лишь въ малой степени свойственъ другимъ болѣе сѣвернымъ народностямъ восточной окраины Азіи, являющимся ближайшими родственниками корейскому народу.

Экономическій бытъ страны.

Главною основою благосостоянія Кореи является земледѣліе: оно не только прокармливаетъ 14-тимилліонное населеніе Кореи, но и даетъ главнѣйшіе продукты вывоза. Въ средней и южной Корее всѣ долины превращены въ сплошное море зеленыхъ полей, и даже склоны холмовъ и горъ, если только они не слишкомъ скалисты, обязательно распаханы, и по нимъ поднимаются террасами рисовыя поля, орошаемая водою изъ сложной системы каналовъ, отведенныхъ отъ какого-нибудь горнаго ручья или рѣчки. Нерѣдко въ горахъ приходится встрѣчать поле, вспаханное на такомъ крутомъ склонѣ, что прямо кажется непонятнымъ, какимъ способомъ могъ пройти тамъ плугъ. Должно замѣтить къ тому же, что, благодаря издавна примѣняемой на Востокѣ плодотворной системѣ земледѣлія, полей подъ паромъ, которыя отнимаютъ такъ много мѣста у насъ, въ Корее совершенно не встрѣчается.

Лишь въ сѣверной Корее, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, населеніе менѣе густо, и имѣются еще свободныя мѣста, пригодныя для обработки. Трудно опредѣлить, сколько пахотной земли приходится въ Корее на душу или на семью, но, во всякомъ случаѣ, участки тамъ несравненно менѣе значительны, чѣмъ у насъ. Лишь путемъ упорнаго труда и исключительно благодаря гораздо болѣе высокой урожайности корейскихъ хлѣбныхъ растений, между которыми главную роль играютъ рисъ, просо и кукуруза, могутъ существовать корейскіе крестьяне на то, что имъ даетъ земля. По корейскимъ законамъ, земля составляетъ государственную собственность и принадлежитъ главѣ государства, такъ что частныя лица могутъ брать ее лишь въ аренду. Въ дѣйствительности, однако, почти всѣ земельныя участки въ Корее находятся въ частномъ владѣніи и беспрепятственно продаются и покупаются; владѣльцы лишь уплачиваютъ въ казну поземельныя налоги. Главная часть земледѣльческаго населенія Кореи состоитъ изъ мелкихъ хозяевъ, обрабатывающихъ землю собственными силами, въ лучшемъ случаѣ при помощи нѣсколькихъ нанятыхъ рабочихъ. Относительно небольшое ко-

личество земель принадлежит крупнымъ владѣльцамъ изъ янъ-баней (дворянъ). Нѣкоторое количество земли находится также въ вѣдомствѣ министерства двора и составляетъ собственность императора.

Гораздо меньшее значеніе имѣетъ въ Корейскѣ скотоводство, и если изъ этой страны и вывозится къ намъ довольно большое количество скота во Владивостокъ, то происходитъ это не отъ избытка домашнихъ животныхъ въ краѣ, а, главнымъ образомъ, отъ нужды населенія, которое нерѣдко принуждено бываетъ въ крайности продавать свой послѣдній рабочій скотъ. Отсутствіе скотоводства обусловливается прежде всего недостаточнымъ количествомъ пастбищъ въ странѣ; подобно тому какъ въ Японіи, въ Корейскѣ луговъ, въ нашемъ смыслѣ слова, не встрѣчается, и развѣ лишь въ южной части страны горные склоны, почему-нибудь неудобные для земледѣлія, служатъ мѣстомъ, гдѣ откармливается въ нѣсколько ббльшемъ количествѣ рогатый скотъ.

Главнымъ предметомъ скотоводства является крупный рогатый скотъ и притомъ почти исключительно рабочій, такъ какъ молоко, какъ мы уже упоминали, совершенно не употребляется въ пищу въ Корейскѣ, а мясо—лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Лошади по своей слабосильности разводятся не для полевыхъ работъ, а лишь для перевозки вьючнымъ путемъ товара, равно какъ и ослы, и мулы. Изъ мелкаго скота разводятся однѣ свиньи, а изъ домашней птицы—куры, утки и гуси. Мѣстами въ Корейскѣ распространено пчеловодство, такъ какъ медъ замѣняетъ собою почти совершенно незнакомый въ странѣ сахаръ. Точно также разводятся и шелковичные черви, преимущественно китайскій шелкопрядъ, выкармливающийся не на тутовомъ деревѣ, а на нѣкоторыхъ породахъ дуба.

Немалыя богатства скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ омывающее берега Кореи море, которое все же довольно обильно рыбою. Къ южной оконечности восточнаго побережья Кореи подходят зимовать огромныя стада китовъ; кромѣ того, въ морѣ ловятся краббы, трепанги (голотуріи), и по берегамъ добываются большія количества водорослей, особенно такъ называемой морской капусты (ламинарии), которая составляетъ также немаловажный пищевой продуктъ на Дальнемъ Востокаѣ. Все прибрежное корейское населеніе занимается рыбными и другими промыслами, и за послѣднее время съ корейцами начинаютъ конкурировать даже японцы, получившіе право заниматься рыболовствомъ у южной оконечности Кореи. Кромѣ добыванія морскихъ животныхъ и растений, сильно развито по берегамъ Кореи добываніе изъ морской воды соли, которая вываривается въ устраиваемыхъ для этой цѣли солеварняхъ.

Не малый доходъ корейскому населенію даютъ лѣса, которые

въ сѣверной Корей еще сравнительно богаты крупною и мелкою дичью. Охотничій промыселъ тамъ развитъ въ большихъ размѣрахъ, въ особенности охота на оленей изъ-за ихъ роговъ, называемыхъ на востокѣ «пантами». Рога эти, пока они еще мягки и покрыты сверху шерстью, служатъ очень цѣннымъ предметомъ вывоза въ Китай, такъ какъ китайцы платятъ за нихъ огромныя деньги, употребляя ихъ на изготовленіе особаго лѣкарства. Немаловажнымъ предметомъ охоты являются также въ сѣверной Корей пушные звѣри, напримѣръ: выдры, соболи, горностаи, барсы, лисицы и хорьки. Въ прежнія времена, когда было больше тигровъ, даже существовала особая корпорація тигровыхъ охотниковъ, пользовавшихся за свою храбрость и неустрашимость всеобщимъ уваженіемъ. Теперь тигровъ осталось въ средней и южной Корей немного, и охота на нихъ составляетъ сравнительно рѣдкій случай.

Корейскіе лѣса, еще достаточно густые въ сѣверной части страны, составляютъ и сами по себѣ значительное богатство, такъ какъ лѣсные матеріалы въ Китаѣ и Японіи цѣнятся дорого. Особенно въ этомъ отношеніи выгодной для эксплуатаціи является рѣка Ялу, въ верховьяхъ которой сохранились обширнѣйшіе горные лѣса, богатые превосходными кедрами, лиственницами и елями. Въ этой-то области и начало развиваться дѣло русской лѣсопромышленной компаніи, обѣщавшее большія выгоды, такъ какъ прекрасный строевой лѣсъ можно было съ большимъ удобствомъ сплавлять внизъ по рѣкѣ Ялу, превращать его въ низовьяхъ этой рѣки въ доски и оттуда доставлять пароходами въ Портъ-Артуръ и Дальній, гдѣ имѣется огромный спросъ на лѣсные матеріалы, удовлетворявшійся ранѣе почти исключительно американскимъ лѣсомъ.

Минеральныя богатства Кореи сравнительно мало пока еще исследованы, но, по мнѣнію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ученыхъ, посѣтившихъ страну, являются довольно богатыми. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Кореи довольно многочисленны золотыя россыпи, гдѣ золото добывается совершенно первобытнымъ способомъ изъ золотоноснаго песку. Мѣстами эти россыпи обнаруживаютъ довольно большое содержаніе драгоцѣннаго металла. Встрѣчаются также серебряныя, желѣзныя и въ особенно большомъ количествѣ мѣдныя руды. Кое-гдѣ имѣются залежи каменнаго угля и даже существуютъ указанія на нахожденіе нефти. Нѣкоторыя изъ горныхъ богатствъ Кореи разрабатываются уже иностранцами, главнымъ образомъ, американскими предпринимателями, получившими тамъ концессіи; другія составляютъ достояніе корейскаго правительства.

Такимъ образомъ, Корея въ общемъ отнюдь не можетъ быть названа страной, лишенною естественныхъ богатствъ, а населеніе ея

нельзя назвать нетрудолюбивымъ, и если, тѣмъ не менѣе, экономическое благосостояніе страны является крайне плачевнымъ, то это обусловливается прежде всего чрезвычайно низкою степенью культурнаго развитія корейской народности. Само собою разумѣется, что это послѣднее обстоятельство отражается прежде всего на обрабатывающей промышленности, которая находится, можно сказать, въ совершенно зачаточномъ состояніи, или, вѣрнѣе, въ состояніи полного упадка, такъ какъ въ прежнія времена многія отрасли промышленности были развиты гораздо выше, чѣмъ теперь. Выдѣлка знаменитаго японскаго фарфора, на примѣръ, заимствована японцами изъ Кореи, откуда тогда пришли въ Японію мастера, научившіе японцевъ обжигать этотъ фарфоръ и познакомившіе ихъ съ искусствомъ живописи по фарфору. Въ настоящее время сколько-нибудь сноснаго фарфора въ Корей нѣтъ вовсе, и живопись по фарфору стала совершенно неизвѣстной, точно такъ же, какъ утратилось искусство ткать узорчатыя шелковыя ткани и изготовлять чеканныя и инкрустированныя металлическія издѣлія.

Въ настоящее время вся промышленность Кореи носитъ совершенно кустарный характеръ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Ткани, на примѣръ, изъ хлопка, пеньки и шелка, изготовляются корейцами домашнимъ и очень примитивнымъ способомъ. Бумага, которая играетъ въ Корей, равно какъ и въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ Дальняго Востока, гораздо болѣе важную роль, чѣмъ у насъ, изготовляется изъ луба бумажнаго дерева на особыхъ маленькихъ бумажныхъ фабрикахъ, также совершенно кустарнаго характера. Прочность ея чрезвычайно велика, и потому ею возможно бываетъ пользоваться во многихъ случаяхъ, въ которыхъ мы пользуемся матеріей, кожей или клеенкой.

Обработка металловъ сводится къ изготовленію чугунныхъ котловъ, мѣдныхъ чашекъ и другихъ кухонныхъ принадлежностей и, самое бѣльшее, къ изготовленію очень плохого и мало въ Корей распространеннаго холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Издѣлія изъ серебра и золота почти не извѣстны въ странѣ, такъ какъ покупать драгоценныя вещи тамъ не кому.

При такомъ слабомъ развитіи промышленности не можетъ быть сильно развита и внутренняя торговля, тѣмъ болѣе, что потребности крайне бѣднаго населенія очень ограничены, и почти все необходимое для его существованія находится и добывается на мѣстѣ собственными средствами. Тѣмъ не менѣе, потребность въ обмѣнѣ товарами между различными областями страны все же ощущается, и потребность эта удовлетворяется довольно многочисленнымъ въ странѣ классомъ торговцевъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, оперируютъ на очень мелкіе, на нашъ взглядъ совершенно ничтожныя, капиталы.

Развитіе торговли зависитъ въ чрезвычайно сильной степени еще отъ одного обстоятельства, именно отъ развитія путей сообщенія и способовъ передвиженія. Въ этомъ отношеніи условія въ Корей чрезвычайно неблагоприятны. За исключеніемъ двухъ-трехъ главныхъ путей, можно сказать, что въ странѣ совершенно нѣтъ дорогъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это слово понимаемъ. То, что въ Корей называется дорогами—не болѣе какъ вьючныя тропы, если и проходимыя, то лишь съ большимъ трудомъ и исключительно для вьючныхъ животныхъ и носильщиковъ. Въ горахъ эти тропы поднимаются нерѣдко по чрезвычайно крутымъ обрывамъ, лѣпятся по горнымъ карнизамъ и, размываясь дождями, представляютъ большую опасность. Мостовъ черезъ рѣки въ Корей очень мало, и, въ большинствѣ случаевъ, путникамъ приходится довольствоваться бродами или самымъ примитивнымъ перевозомъ, такъ что въ періодъ дождей и сильнаго разлива рѣкъ нерѣдко приходится встрѣчаться съ совершенно непреодолимыми препятствіями.

Колесъ и колесныхъ экипажей Корея, повидимому, совершенно не знаетъ, особенно внутренняя часть страны; лишь въ Сеулѣ и въ портовыхъ городахъ приходится кое-гдѣ встрѣчать крайне примитивныя и грубо-сколоченныя корейскія арбы. Такимъ образомъ, всѣ товары перемѣщаются въ Корей на спинахъ или лошадей, или же носильщиковъ, составляющихъ обширную корпорацію, связанную общою организаціею и круговою порукою. Эти носильщики пристраиваютъ грузъ себѣ на спину на особыхъ деревянныхъ рогулькахъ—едва ли не единственное оригинальное корейское изобрѣтеніе. Что касается вьючныхъ животныхъ, то чаще всего для перевозки грузовъ употребляются лошади, но примѣняются также и мулы, ослы, быки и даже коровы.

Корейская лошадь представляетъ собою настоящаго карлика, чуть ли не меньше шотландскаго пони; ростомъ она такъ мала, что достигаетъ головою лишь плеча человѣка средняго роста, а если всадникъ сядетъ на нее верхомъ по-европейски, то ноги его лишь на четверть не достаютъ до земли. Вотъ почему корейцы устраиваются при верховой ѣздѣ на своихъ лошадяхъ чрезвычайно оригинальнымъ способомъ: они одѣваютъ на лошадь свое примитивное вьючное сѣдло, привязываютъ два нетяжелыхъ вьюка по сторонамъ и поверхъ нихъ и сѣдла кладутъ небольшой тюфячекъ, на который садится всадникъ и спускаетъ ноги на шею лошади. Для европейца такое положеніе съ ногами, болтающимися безъ стремянъ, крайне мучительно, но корейцы находятъ его наиболѣе удобнымъ. Должно замѣтить еще, что корейскія лошади сравнительно съ нашими—очень слабосильны: онѣ не могутъ поднять болѣе 5—6 пудовъ, и то этотъ грузъ является

для нихъ уже сравнительно тяжелымъ. Для каждой лошади обязательно нуженъ особый погонщикъ или «мафу», который ведетъ лошадь въ поводу и заботится о ней на стоянкахъ; даже, когда ѣдет всадникъ, его лошадь обязательно ведетъ подъ уздцы мафу, которому приходится выбиваться изъ силъ, если всадникъ вздумаетъ пустить лошадь рысью.

Еще однимъ изъ неудобствъ передвиженія на лошадяхъ по Корее является крайняя избалованность ихъ по отношенію къ корму. Мафу кормятъ своихъ лошадей почти исключительно одними вареными бобами, изъ которыхъ готовится нѣчто въ родѣ пошла съ мякиной. Бобы эти варятся въ огромныхъ котлахъ и даются лошадямъ даже не совсѣмъ простывшими, теплыми; подножнаго корма—овса или вообще сырыхъ продуктовъ лошади, по крайней мѣрѣ, во время работы совершенно не получаютъ. Это обстоятельство привязываетъ путешеника всецѣло къ опредѣленнымъ протореннымъ дорогамъ, по которымъ имѣются на извѣстныхъ разстояніяхъ постоянные дворы («шумеги»), гдѣ можно найти котлы для варки бобовъ и запасъ послѣднихъ.

Всѣ перечисленныя условія чрезвычайно затрудняютъ передвиженіе по Корее каравановъ съ грузами и дѣлаютъ доставку товаровъ вьючнымъ способомъ настолько дорогою, что носильщики, перетаскивающіе грузы на своихъ спинахъ, легко могутъ конкурировать съ лошадьми. Едва ли найдется еще какая-нибудь другая страна, гдѣ грузовое движеніе совершалось бы въ такомъ количествѣ на спинахъ людей, какъ въ Корее!

Кромѣ носильщиковъ, принимающихъ на себя доставку груза въ Корее мы находимъ очень большое количество разныхъ мелкихъ бродячихъ торговцевъ, которые также на своей спинѣ переносятъ изъ города въ городъ и изъ одного селенія въ другое различныя мелкіе товары; они распродаютъ ихъ на ярмаркахъ, бывающихъ обыкновенно чрезъ извѣстное число дней въ каждомъ болѣе значительно населенномъ пунктѣ Кореи. Во время такихъ ярмарокъ въ данный городъ или селеніе собираются всѣ жители окрестныхъ деревень для того, чтобы обмѣнять выработанные ими продукты на деньги или на товары, привезенные въ городъ. Во время ярмарки городская площадь покрывается мелкими лавчонками изъ кое-какъ сколоченныхъ шалашей; рядами выстраиваются пришедшіе въ городъ торговцы, группируясь по роду товаровъ; по краямъ базарной площади располагаются мѣстные жители со скотомъ, топливомъ, различными зерновыми продуктами, овощами и т. п. Торгъ идетъ бойко и оживленно, всюду видны ожесточенно жестикулирующія фигуры продавцовъ и покупателей, густою толпою собирается народъ вокругъ бро-

лячихъ танцоровъ и музыкантовъ или какого-нибудь акробата, выдѣлывающаго замысловатые фокусы на натянутомъ канатѣ.

Особенно бойко торгуютъ мелкія сѣстные лавчонки, гдѣ подлѣ легкими навѣсами варятся на замазанныхъ въ глиняныя печи огромныхъ котлахъ рисъ и различныя похлебки, жарятся лепешки на кунжутномъ маслѣ, приготовляются ѣдкія приправы изъ жгучаго краснаго перца, и все это поглощается тутъ же неприхотливою публикою, усаживающеюся за низенькими столиками на циновкахъ или прямо на корточкахъ на землѣ. Немало разбросано вокругъ базарной площади также и мелкихъ кабачковъ, гдѣ желающіе за очень дешевую плату могутъ получить достаточное количество подогрѣтой рисовой водки, совершенно неочищенной отъ сивушныхъ маселъ, и корейскаго пива—коричневатой и мутной, кисловатой жидкости.

Такіе базары являются единственнымъ проявленіемъ въ Корей болѣе оживленной и бойкой торговли: обычно лавочки, находящіяся въ большомъ количествѣ въ любомъ самомъ незначительномъ городкѣ, торгуютъ чрезвычайно вяло, такъ что приходится прямо удивляться, какимъ способомъ умудряются ихъ хозяева извлечь доходъ изъ своего торговаго предпріятія. Чаше всего приходится встрѣчать въ Корей лавки универсальнаго характера, въ которыхъ кореецъ можетъ получить рѣшительно все, что только требуется въ его обычномъ обиходѣ. Въ такой лавкѣ можно найти и матеріи для костюма, и связки лаптей изъ рисовой соломы, и табакъ, и гвозди, и керосинъ, и бумагу для оклейки оконъ, и спички, и папиросы японскаго издѣлія, и какіе-то подозрительные кусочки, и порошки, составляющіе затѣйливыя снадобья корейской медицины, и безчисленное множество другихъ предметовъ, дѣлающихъ такую лавку похожею на какой-то музей. Все это стоитъ сущіе гроши, и едва ли цѣнность всѣхъ товаровъ такого торговаго заведенія превыситъ на наши деньги 10 рублей. Тѣмъ не менѣе, корейскій купецъ ухитряется какимъ-то образомъ извлекать барыши и существовать на нихъ, нерѣдко съ многочисленнымъ семействомъ.

Однимъ изъ крупныхъ препятствій къ развитію торговли въ Корей является обращающаяся въ странѣ монета, которая представляетъ громадныя неудобства. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ главной, а внутри страны, можно сказать, и единственной, широко распространенной монетной единицей являются мѣдныя или, вѣрнѣе, латунныя тонкія монетки съ четырехугольнымъ отверстіемъ въ центрѣ, совершенно сходныя съ китайскими чохами и носящія названіе «пхунъ». Монеты эти носятъ обыкновенно не въ кошелькѣ, а нанизанными на веревку изъ рисовой соломы огромными пачками, причемъ каждыя 100 монетъ отдѣляются узелкомъ. Нерѣдко ихъ даже

не отсчитываютъ, а прямо отмѣриваютъ по длинѣ связки, такъ какъ считать ихъ—дѣло слишкомъ утомительное и отнимающее массу времени. На 1 рубль такихъ монетъ приходится отъ 500 до 600 по курсу, что составляетъ связку, болѣе аршина длиною и достаточно увѣсистую; 10 рублей на наши деньги вѣсятъ $1\frac{1}{4}$ пуда, такъ что корейская вьючная лошадь, поднимающая не болѣе 6 пудовъ, можетъ увезти, всего-на-всего, денегъ на 50 рублей. При выплачиваніи крупныхъ суммъ возникаютъ, само собою разумѣется, огромныя затрудненія, и даже, когда идешь на базаръ за покупками рублей на 15, приходится брать съ собою носильщика, который едва тащитъ огромную связку денегъ. Само собою разумѣется, что такая денежная система сильно затрудняетъ всѣ торговые обороты: нерѣдко купцу выгоднѣе расплачиваться какимъ-либо другимъ товаромъ, чѣмъ деньгами.

Кромѣ того, благодаря спекуляціи, главнымъ образомъ, японскихъ купцовъ курсъ на корейскія пхуны является чрезвычайно неустойчивымъ и подверженъ большимъ колебаніямъ, причемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи, вслѣдствіе недостатка въ удобныхъ путяхъ сообщенія, бываетъ одновременно различнымъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ попытки со стороны корейскаго правительства ввести болѣе удобную монету оставались до самаго послѣдняго времени совершенно безплодными, тѣмъ болѣе, что производились обыкновенно подъ давленіемъ японцевъ, которымъ корейцы имѣли достаточно основаній не довѣрять. За послѣднее время корейское правительство пыталось также пустить въ обращеніе никкелевую монету, чеканенную по образцу японской, однако, эта монета, несмотря на свои огромныя преимущества предъ пхунами, получила распространеніе лишь въ Сеулѣ и портовыхъ городахъ, внутри же страны принимается крайне неохотно и, надо сказать, не безъ основанія, такъ какъ дѣйствительная цѣнность ея во много разъ ниже номинальной. Не привилась также и серебряная монета, неоднократно выпускавшаяся правительствомъ, и до сихъ поръ корейцы довѣряютъ больше всего своимъ громоздкимъ пхунамъ, нанизаннымъ на веревку какъ бублики. Въ портовыхъ городахъ, гдѣ широко развита японская торговля, можно расплачиваться японскою монетою и японскими кредитными деньгами.

При низкомъ уровнѣ культуры въ странѣ, при слабомъ развитіи путей сообщенія и при ограниченныхъ размѣрахъ внутреннихъ торговыхъ оборотовъ, само собою разумѣется, и виѣшняя вывозная и привозная торговля Кореи не можетъ быть сильно развитою. Въ прежнія времена, въ періодъ корейской изолированности, она была совершенно ничтожна, именно ограничивалась тѣми торговыми обо-

ротами, которые происходили во время бывавшей одинъ разъ въ годъ ярмарки на границѣ Китая. Въ остальное же время корейцамъ было даже запрещено имѣть какія-либо торговыя сношенія съ другими государствами, и за нарушение этого запрещенія полагалась даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертная казнь.

Лишь со времени заключенія торговыхъ договоровъ съ Японіей и съ европейскими державами, т.-е. начиная съ 1876 года, корейская внѣшняя торговля стала развиваться нѣсколько сильнѣе. До 1898 г. она концентрировалась исключительно лишь въ 6 корейскихъ городахъ, именно въ трехъ портовыхъ городахъ: Фузанѣ, Гензанѣ и Чемульпо, и, кромѣ того, въ Сеулѣ, въ селеніи Ян-хоа-джинъ близъ Сеула, и въ городѣ Кіонъ-хынъ, открытомъ для русской торговли. Въ 1898 году было открыто еще 5 портовыхъ городовъ, именно Цзынампо, Мокпо, Сіонъ-чжинъ, Масанпо, Кунъ-санъ и одинъ городъ внутри страны, именно Пхіонъ-янъ.

Со времени открытія портовыхъ городовъ внѣшняя торговля въ Корей стала быстро увеличиваться, но при этомъ она въ то же время стала переходить мало-по-малу въ руки японскихъ купцовъ и отчасти также китайцевъ. Во всѣхъ портовыхъ городахъ возникли обширныя торговыя колоніи японцевъ съ многочисленнымъ населеніемъ, большимъ количествомъ складовъ и магазиновъ, транспортныхъ конторъ, банковъ и другихъ торговыхъ учреждений. Японцами были приложены также большія старанія къ развитію пароходства между портами Кореи и японскими торговыми городами, были учреждены правильныя рейсы пароходовъ, устроены агентства, проведенъ телеграфъ между главнѣйшими пунктами Кореи и проложенъ кабель, соединяющій Корею съ Японіей. Всѣ эти мѣропріятія, сопровождаемыя соотвѣтствующими политическими мѣрами, стремившимися къ упроченію японскаго вліянія въ Корей, повели къ тому, что фактически вся внѣшняя корейская торговля оказалась во власти Японіи. Лишь за послѣднее время въ сѣверныхъ портовыхъ городахъ Кореи начали играть болѣе значительную роль китайскіе купцы и нѣсколько европейскихъ фирмъ; однако, преобладающее значеніе осталось все же за японцами. Въ Чемульпо, напримѣръ, въ 1896—97 г. занималось торговлею 26 японскихъ торговыхъ фирмъ, 16 китайскихъ и лишь 6 англійскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ.

Главнѣйшими предметами вывоза изъ Кореи являются сельско-хозяйственные продукты и прежде всего рисъ, который направляется преимущественно въ Японію—корейскій рисъ славится на всемъ Дальнемъ Востокѣ. Количество риса сильно колеблется въ зависимости отъ урожая, но, въ общемъ, повидимому, постепенно увеличивается и вывозится въ урожайныя годы на сумму до 5¹/₂ милліо-

новъ долларовъ. Въ меньшемъ количествѣ вывозятся различные сорта бобовъ и бобовые жмыхи, получающіеся при выжимкѣ бобоваго масла. Въ Японіи эти жмыхи употребляются для удобренія полей. Довольно значительно количество вывозимой изъ Кореи пшеницы, ячменя и проса.

Къ числу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ долженъ быть отнесенъ также жень-шень—знаменитое лѣкарственное растеніе Дальняго Востока, цѣнящееся чуть ли не на вѣсь золота и спасающее будто бы отъ самыхъ тягчайшихъ болѣзней. Жень-шень въ дикомъ состояніи встрѣчается въ горахъ сѣверной Кореи, въ уединенныхъ тѣнистыхъ лѣсахъ, и для отысканія его отправляются цѣлыя партіи охотниковъ. Кромѣ того, жень-шень разводится искусственно на особыхъ плантаціяхъ, но такое культивируемое растеніе, дающее корни болѣе мелкіе, цѣнится гораздо дешевле дикаго. Вывозится жень-шень въ Китай, причемъ облагается большою вывозною пошлиною. Въ 1898 г. его было вывезено почти на миллионъ долларовъ.

Довольно крупный предметъ вывоза составляетъ рогатый скотъ, который направляется, главнымъ образомъ, во Владивостокъ и Приморскую область; вывозятся также кожи скота и въ небольшомъ количествѣ мѣха пушныхъ звѣрей.

Морскіе продукты въ Корей также даютъ цѣлый рядъ предметовъ вывоза: въ Китай вывозятся акулы плавники и трепанги, въ Японію—различная сушеная рыба, рыбій тукъ, китовое мясо и морская капуста. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ продуктовъ вывоза является золото, добываемое на розсыпяхъ въ сѣверной части Кореи. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1898 году его вывезено на 2 375 000 долларовъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣйствительности вывезено гораздо больше, такъ какъ огромное количество его проходитъ контрабандою помимо таможенъ.

Что касается произведеній корейской промышленности, то, за исключеніемъ корейской бумаги, вывозимой на нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ, не вывозится почти ничего; всѣ издѣлія Кореи слишкомъ грубы и первобытны и не могутъ идти въ сравненіе съ издѣліями сосѣднихъ странъ.

Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, предметомъ внѣшняго ввоза являются, главнымъ образомъ, различныя издѣлія фабричной промышленности и прежде всего хлопчатобумажныя матеріи, преимущественно англійскія и японскія. Первое мѣсто принадлежитъ шертингу различныхъ сортовъ, затѣмъ идетъ также линобатистъ, муслинъ, шитингъ и дрель. Ввозится, кромѣ того, бумажная пряжа, изъ которой корейцы сами ткуютъ матерію по своему вкусу, и даже хлопокъ, котораго не хватаетъ въ Корей для удовлетворенія всѣхъ ея

потребностей. Ввозятся также и шелковыя матеріи, составляющія предметъ роскоши и идущія, главнымъ образомъ, изъ Китая. Наконецъ, немалое количество доставляется въ Корею мѣди, желѣза, олова и другихъ металловъ. Почти единственнымъ продуктомъ ввоза, идущимъ также въ довольно значительномъ количествѣ изъ Россіи, является керосинъ, который доставляется на Дальній Востокъ изъ Батума въ наливныхъ пароходахъ, разливается въ Японіи въ жестяные ящики и въ такомъ видѣ попадаетъ въ Корею. Русскому керосину приходится тамъ, однако, за послѣднее время выдерживать сильную конкуренцію со стороны американскаго и суматрскаго. Ввозятся въ Корею также спиртные напитки, главнымъ образомъ, японская рисовая водка и пиво; въ небольшомъ количествѣ идутъ туда анилиновыя краски, японскія табачныя издѣлія, наконецъ, стеклянныя издѣлія, сахаръ, лѣкарства и различныя мелочи. При ограниченности потребностей корейскаго населенія всѣ эти предметы, однако, ввозятся въ очень небольшомъ количествѣ и идутъ даже, главнымъ образомъ, для удовлетворенія спроса живущихъ въ Корей японцевъ и европейцевъ, проникая лишь въ совершенно ничтожномъ количествѣ внутрь страны.

Принимая во вниманіе обширность и населенность страны, должно считать общіе размѣры ея внѣшней торговли очень ограниченными. Въ 1898 г. товаровъ изъ Кореи было вывезено всего на 5 709 489 долларовъ, а ввезено въ страну на 11 825 267 долл., въ 1902 г. было вывезено на 8 317 070 долл., а ввезено—на 13 692 842 долл. Такимъ образомъ, общая сумма торговаго оборота Кореи, повидимому, не перестаетъ увеличиваться, но въ то же время ввозъ товаровъ въ Корею значительно преобладаетъ надъ вывозомъ, что объясняется болѣею цѣнностью ввозимыхъ товаровъ по сравненію съ тѣми продуктами страны, которые ею вывозятся. Впрочемъ, отчасти такое превышеніе ввоза надъ вывозомъ обусловливается системою регистраціи товаровъ корейскими таможенными и является фиктивнымъ. Къ тому же золото, вывозимое изъ предѣловъ Кореи въ довольно большомъ, какъ мы видѣли, количествѣ, не регистрируется вовсе. По всей вѣроятности, дѣйствительная стоимость товаровъ, ввозимыхъ въ Корею, вполне точно равняется суммѣ вывоза, такъ какъ купить иностранныхъ произведеній корейцы, за неимѣніемъ свободной денежной наличности въ странѣ, могутъ лишь на такую же сумму, на какую продадутъ своихъ товаровъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, экономическое положеніе Кореи еще задолго до наступленія современныхъ событій было далеко неудовлетворительнымъ. Несмотря на то, что страна не лишена природныхъ богатствъ, и населеніе ея нельзя назвать лѣнливымъ и без-

дѣятельнымъ, Корея все же являлась самою бѣдною изъ странъ Дальняго Востока,—страною съ совершенно ничтожными ресурсами не имѣющею денежныхъ запасовъ, вывозящею лишь малоцѣнные продукты, и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Такое печальное положеніе страны обуславливается, конечно, прежде всего ея историческими судьбами. Постоянныя нашествія враговъ разоряли народонаселеніе и не позволяли развиться сколько-нибудь высоко культурѣ, внутреннія междоусобія обуславливали неупорядоченность государственнаго управленія, и образованіе алчнаго класса чиновниковъ живущихъ за счетъ народа и существующихъ незаконными поборами, затѣмъ не остались безъ вліянія и цѣлыя столѣтія полной изолированности и отрѣшенія отъ сношеній со всѣми другими государствами—все это привело Корею къ совершенному истощенію государственнаго организма и къ упадку.

Въ довершеніе всего Корея оказалась въ тяжелой экономической зависимости отъ Японіи, цѣлко захватившей ее и опутавшей многочисленными нитями. Японцы смотрѣли на нее какъ на свою будущую колонію, изъ которой слѣдуетъ высосать возможно больше соковъ, чтобы обезсилить ее и лишить способности энергичнаго сопротивленія. По отношенію къ корейцамъ они являлись постоянно эксплуататорами, а послѣдніе, уже въ силу своей меньшей культурности и присущей имъ инертности и забитости, были всегда эксплуатируемыми. Хозяинчаніе японцевъ въ портовыхъ городахъ, захватъ ими внѣшней торговли Кореи и постоянныя вмѣшательства въ финансовыя дѣла государства были причиною непрерывнаго ухудшенія экономического положенія Кореи за послѣдніе годы.

Религія и образованность.

Въ Корей въ настоящее время наблюдаются три религіозныхъ вѣроученія, причемъ они не только играютъ одновременно одинаково важную роль, но и тѣсно между собою переплетаются и, повидимому, даже не разъединяются въ представленіи простого народа.

Прежде всего широко распространены и сохранились въ цѣлости остатки самыхъ древнихъ религіозныхъ представленій, господствовавшихъ еще во времена, о которыхъ не сохранилось историческихъ свѣдѣній,—представленій, которыя можно во всей ихъ совокупности назвать шаманизмомъ. Подъ этимъ терминомъ подразумѣвается обыкновенно поклоненіе человѣка одухотвореннымъ силамъ природы и различнымъ явленіямъ ея. Въ старинныхъ китайскихъ лѣтописяхъ сохранились указанія на то, что предки корейцевъ, обитавшіе на Корейскомъ полуостровѣ, были шаманистами и поклонялись духамъ

земли, неба, утренней звѣзды, духамъ покровителямъ горъ и рѣкъ и даже тигру. Эти основныя черты сохранились и до настоящаго времени въ Корей въ видѣ суевѣрій и чисто шаманистическихъ взглядовъ, тѣсно перемѣшавшихся съ представленіями о буддійскихъ и конфуціанскихъ святыхъ.

Главнымъ предметомъ культа въ Корей является и по настоящее время небо, отъ котораго, по мнѣнію корейцевъ, истекаютъ всѣ земныя блага—произрастаніе злаковъ и урожай, избавленіе отъ болѣзней и т. п. Съ небомъ соединяется представленіе, правда, очень смутное, о Верховномъ Повелителѣ Неба, Создателѣ и Хранителѣ видимаго міра, котораго корейцы называютъ Санъ-Чже. При общихъ народныхъ бѣдствіяхъ, напримѣръ, при засухѣ или при обильныхъ ливняхъ, вызывающихъ наводненія, совершаются торжественныя моленія къ Небу и приносятся жертвы, чтобы умиловитъ гнѣвъ Повелителя Неба.

На ряду съ этимъ почитаніемъ неба корейцы одухотворяютъ также и всѣ другія стихіи и силы природы. По вѣрованіямъ ихъ, духи наполняютъ воздухъ и море, обитаютъ подъ каждымъ тѣнистымъ деревомъ, въ каждомъ оврагѣ, горномъ ручьѣ или ущельѣ; духи наполняютъ и жилище человѣка и сопровождаютъ человѣка во всѣхъ его дѣлахъ и на каждомъ его шагу. Духи эти бываютъ добрыми и благорасположенными къ человѣку и злыми, старающимися ему повредить; сохранить благорасположеніе первыхъ и охранить себя отъ напастей, причиняемыхъ вторыми, возможно путемъ жертвоприношеній и молитвы, а также путемъ различныхъ заклинаній колдуновъ-шамановъ. Иногда эти добрые и злые духи отождествляются корейцами съ душами умершихъ людей: въ первомъ случаѣ—добродѣтельныхъ и скончавшихся спокойно, во второмъ—людей злыхъ или скончавшихся въ бѣдности и разныхъ лишеніяхъ, почему души ихъ не находятъ себѣ послѣ смерти покоя и стараются причинить возможно больше зла живущимъ людямъ.

Каждая гора, по понятіямъ корейцевъ, населена особымъ горнымъ духомъ, которому ставится маленькая молельня на перевалѣ и приносятся доброхотныя даянія окрестныхъ жителей въ видѣ чашки съ рисомъ или какихъ-нибудь плодовъ. Путники, перебирающіеся чрезъ такой перевалъ, не забываютъ захватить съ собою при подъемѣ въ гору какой-нибудь небольшой камень, лежащій у подножья, и сбрасываютъ его въ кучу на вершинѣ перевала во славу горнаго духа; съ вѣками такихъ камней накопляется цѣлая куча, свидѣтельствуя о стойкости вѣрованій въ этихъ духовъ. Точно также и море, и рѣки населены, по понятію корейцевъ, особыми духами, которымъ слѣдуетъ приносить жертвы для успокоенія душъ утопленниковъ,

иначе беспокоящихъ людей. Существуютъ также духи дорогъ, покровительствующіе путникамъ; въ видѣ жертвы имъ корейцы вѣшаютъ на вѣтви придорожныхъ кустовъ и деревьевъ лоскуточки матеріи или щепотки риса, бобовъ или другихъ сѣмянъ, завернутые въ бумажку. Особого духа-покровителя имѣетъ каждое корейское селеніе, обязанное приносить своему патрону жертвы для его умилоствленія.

Такимъ образомъ, для корейца вся вселенная представляется населенной невидимыми духами, постоянно такъ или иначе вмѣшивающимися въ его дѣла. По шаманистическимъ воззрѣніямъ, однако, если духи могутъ вліять на человѣка, то и человѣкъ, въ свою очередь, имѣетъ возможность вліять на духовъ—или умилоствляя ихъ молитвами и жертвоприношеніями, или же укрощая и изгоняя волхвованіями и заклинаніями. Для того, однако, чтобы справиться съ духами, необходимо обладать особыми сверхъ-естественными силами и познаніями, и это дается лишь немногимъ избранникамъ, посвящающимъ всю свою жизнь изученію волшебства,—шаманамъ. Въ Корей шаманами могутъ быть и мужчины, и женщины. Первые или «пань-су» обыкновенно слѣпцы, составляющіе даже особую касту, для которой колдовство служить часто единственнымъ и далеко небезвыгоднымъ средствомъ къ существованію. Пань-су изучаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ у своихъ старшихъ собратьевъ всѣ тайны колдовства, передающіяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, научается заклинаніямъ и способамъ распознаванія демоновъ, вообще изучаетъ болѣе или менѣе добросовѣстно свое ремесло. Главная дѣятельность этихъ шамановъ состоитъ въ заклинаніи злыхъ духовъ при помощи различныхъ обрядовъ и гаданія о будущемъ. Кромѣ того, пань-су составляютъ гороскопы, выбираютъ наиболѣе счастливый день для свадьбы, предсказываютъ будущую жизнь жениха и невесты и отыскиваютъ при помощи компаса и различныхъ волшебныхъ формулъ подходящее мѣсто для могилы.

Такова же по существу и роль шаманки — «му-данъ», которая становится таковой по особому призванію свыше, когда вдругъ увѣрится, что ею овладѣлъ и глаголетъ ея устами демонъ. Шаманка носитъ полумужское платье и мужскую шляпу и пользуется обыкновенно извѣстнымъ уваженіемъ, такъ какъ отъ нея зависитъ очень многое. Она указываетъ, какъ умилоствлять духовъ жертвоприношеніями, сама участвуетъ въ послѣднихъ и завѣдуетъ устройствомъ празднествъ въ честь того или другого духа. Далѣе, во время болѣзни кого-либо изъ членовъ семьи корейца, шаманка нерѣдко призывается для изгнанія злыхъ духовъ, вселившихся въ больного. Она изгоняетъ ихъ заклинаніями и дикою пляскою съ ножами, которые бросаетъ въ землю. Нерѣдко, такимъ образомъ, она отвращаетъ и различныя

другія несчастія, угрожающія семьѣ корейца. Кромѣ того, шаманка, подобно пань-су, занимается гаданіемъ, бросая на столъ рисовыя зерна или прислушиваясь къ звону колокольчиковъ, привязанныхъ къ палкѣ, и стараясь разслышать въ нихъ голосъ демона.

Всѣ подобныя суевѣрныя представленія и вѣрованія въ духовъ являются, несомнѣнно, остаткомъ глубокой старины и находятъ до настоящаго времени самую благодарную почву въ малокультурной и грубой массѣ корейскаго народа. Они переплетаются, съ одной стороны, съ многочисленными легендами, полными фантастическихъ приключеній героевъ-полубоговъ, драконовъ и различныхъ сверхъестественныхъ существъ, съ другой—съ представленіями и вѣрованіями, входящими въ составъ двухъ другихъ религій, господствующихъ въ Корей,—конфуціанства и буддизма.

По свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, первымъ проникъ въ Корею буддизмъ во второй половинѣ IV вѣка по Р. Х., когда туда пришли два китайскихъ монаха, принеся съ собою священныя буддійскія книги. Позднѣе въ страну прибыло еще нѣсколько буддійскихъ миссіонеровъ изъ Китая, принешихъ съ собою не только новое вѣроученіе, но и письменность, съ которою корейцы ранѣе не были знакомы. Такимъ образомъ, буддійскіе проповѣдники явились просвѣтителями страны и пріобрѣли въ ней значительное вліяніе, такъ какъ новое вѣроученіе было встрѣчено очень сочувственно корейскими королями.

Въ скоромъ времени въ Корей стали возникать одинъ за другимъ буддійскіе монастыри, становившіеся разсадникомъ новой религіи и богато одарявшіеся корейскими королями. Буддійскіе монахи, какъ люди наиболѣе образованные, знакомые съ китайскими книгами и законами, пользовались необыкновеннымъ почетомъ и вліяніемъ на государственныя дѣла. Нерѣдко они находили себѣ доступъ при дворѣ и являлись ближайшими помощниками и совѣтниками короля въ дѣлѣ управленія страной; даже начальники областей и полководцы избирались нерѣдко изъ ихъ среды. Вслѣдствіе многократныхъ вражескихъ вторженій въ страну, при которыхъ монастырямъ случалось играть роль крѣпостей, въ нихъ образовалась каста монаховъ-воиновъ, временами оказывавшая немаловажныя услуги при защитѣ отечества.

Эта крупная роль монастырей въ дѣлахъ и судьбахъ государства явилась, однако, въ то же время и главною причиною паденія буддизма послѣ почти тысячелѣтняго господства въ странѣ. Вмѣшательство монаховъ въ государственныя дѣла возстановило противъ нихъ придворные круги и аристократію, сосредоточеніе военныхъ силъ въ монастыряхъ дѣлалось мало-по-малу опаснымъ и для центрального

правительства, наконецъ, по всей вѣроятности, и образованность монаховъ, не поддерживаемая извнѣ, исчезла. Всѣ эти причины подготовили быстрое паденіе буддизма, какъ только подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго общенія съ Китаемъ въ XIV вѣкѣ проникла въ Корею конфуціанская религія. Въ ней корейскіе короли увидѣли болѣе прочную поддержку того государственнаго строя, который казался имъ наиболѣе выгоднымъ для удержанія полной власти въ своихъ рукахъ.

Конфуціанство не представляетъ собою, въ сущности, стройной религіозной системы, а является скорѣе сводомъ моральныхъ правилъ и указаній, какъ слѣдуетъ поступать въ различныхъ случаяхъ повседневной жизни, связаннымъ съ высоко-развитымъ почианіемъ душъ предковъ, національныхъ героевъ, королей и вообще людей, оказавшихъ какую-либо услугу государству. Нравственные правила, преподанныя послѣдователямъ Конфуція ихъ китайскимъ учителемъ, должны помогать человѣку въ приобрѣтеніи душевнаго спокойствія и должны приводить въ полное соотвѣтствіе и гармонію его внутренній міръ съ міромъ внѣшнимъ. Такого спокойствія и гармоніи можно достигъ лишь регулированіемъ своихъ отношеній ко всему окружающему, и такъ какъ человѣкъ является членомъ семьи, общества и государства, то и всѣ отношенія его можно свести къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми, между монархомъ и подданными, между мужемъ и женою, между старшими братьями и младшими и между друзьями, стоящими на одинаковомъ уровнѣ. Достигнуть идеала во всѣхъ этихъ человѣческихъ отношеніяхъ возможно, по ученію Конфуція, лишь при обладаніи пятью слѣдующими нравственными качествами: добротою, прямою мысли, безупречностью поведенія, мудростью и, наконецъ, честностью, подъ понятіе которой подходятъ также любовь, справедливость, снисходительность и довѣріе. Какимъ образомъ слѣдовать этимъ добродѣтелямъ и какъ при помощи ихъ стремиться къ возможно болѣе идеальному отношенію ко всему окружающему—этому и учитъ конфуціанская религія, давая въ то же время цѣлый рядъ вполне точныхъ и разработанныхъ до мельчайшихъ деталей предписаній и правилъ, которыя указываютъ, какъ долженъ поступать человѣкъ въ любомъ случаѣ жизни, чтобы не уклониться отъ предначертаннаго идеала.

Особою добродѣтелью, являющеюся основою всѣхъ остальныхъ, считаетъ конфуціанство сыновнюю преданность и почтительность дѣтей по отношенію къ родителямъ. Оказывать величайшее уваженіе своимъ родителямъ, жертвовать для нихъ всѣмъ, быть имъ во всемъ послушнымъ—таковы главнѣйшія обязанности конфуціанца. Въ то же время, по ученію Конфуція, признается и безсмертіе души, и существованіе загробной жизни.

Отчасти подъ вліяніемъ конфуціанства, отчасти, быть-можетъ, вслѣдствіе примѣси къ нему шаманскихъ воззрѣній, у корейцевъ составилось такое представленіе,—что человѣку свойственны три души. Послѣ смерти одна его душа переселяется въ невѣдомый надзвѣздный міръ, гдѣ поступки, совершенные ею при жизни, судятъ десять судей; другая—переходитъ въ могилу, гдѣ поступаетъ на попеченіе горнаго духа; третья—переселяется въ особую, специально изготовляемую для этой цѣли деревянную табличку, на которой тушью начертывается китайскими іероглифами имя покойнаго. Эти таблички служатъ послѣ смерти предметомъ особаго почитанія родственниковъ и въ особенности дѣтей покойнаго, такъ какъ сыновняя преданность, само собою разумѣется, не должна прерываться и со смертью родителей.

Таблички предковъ помѣщаются въ особые часовни или храмы, гдѣ передъ ними въ опредѣленные дни совершаются торжественныя богослуженія, воскуряется фиміамъ и приносятся жертвы. Въ такихъ же конфуціанскихъ храмахъ сохраняются таблички покойныхъ королей Кореи, военачальниковъ и вообще людей, оказавшихъ различныя услуги государству. Эти таблички также служатъ предметомъ почитанія, и мѣстные чиновники-управители являются до нѣкоторой степени и священнослужителями, такъ какъ обязаны извѣстное число разъ въ мѣсяцъ приносить въ конфуціанскихъ храмахъ передъ табличками жертвы и воскурять ѳиміамъ.

Еще болѣе почитаются конфуціанцами храмы, въ которыхъ хранятся таблички основателя вѣроученія, самого Конфуція; такіе храмы имѣются почти въ каждомъ городѣ Кореи. Кромѣ того, послѣдователями конфуціанства почитаются и различныя силы природы, олицетворяемыя въ видѣ духовъ, такъ что конфуціанство оказывается тѣсно связаннымъ съ первобытнымъ шаманизмомъ. Конфуціанцами признаются духи покровители человѣка и хранители городовъ и селеній, духи неба, облаковъ, горъ, вѣтра, дождя и т. д., этимъ духамъ они поклоняются наравнѣ съ душами предковъ и великихъ людей и даже строятъ имъ храмы, особенно часто воздвигаемые въ честь Неба.

Въ настоящее время конфуціанство, сдѣлавшееся съ давнихъ уже поръ оффиціальной религіей Кореи, окончательно одержало верхъ надъ буддизмомъ, и послѣднее вѣроученіе находится въ полномъ упадкѣ. Оно давно уже изгнано изъ большихъ городовъ и находитъ себѣ пріютъ исключительно въ монастыряхъ, разбросанныхъ по Корее въ наиболѣе трудно доступныхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ горахъ средней Кореи. Такой монастырь ютится обыкновенно въ живописной лощинѣ, представляя собою цѣлый комплексъ зданій съ красиво изогнутыми китайскими крышами. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ зданій помѣщаются храмы съ алтарями, украшенными буддійскими иконами и изваяніями

Будды, сдѣланными изъ дерева или глины и позолоченными; въ другихъ—живутъ монахи и находятся различныя хозяйственныя постройки, амбары и склады, въ которыхъ хранится монастырское добро. Въ прежнія времена монастыри располагали обширными угодьями и вели большое хозяйство, но затѣмъ эти имѣнія были у нихъ отняты или сокращены, и монастыри сильно обѣднѣли. вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезла изъ монастырей и образованность: монахи перестали заниматься изученіемъ религіи и перестали даже понимать ея основныя догматы. Теперь не рѣдкость встрѣтить монаха, не умѣющаго даже читать священныя книги и знакомаго лишь съ нѣсколькими буддійскими молитвами; все поклоненіе Буддѣ свелось ко внѣшней обрядности, къ жертвоприношеніямъ и воскуренію ѳиміама. Монахи къ тому же далеко не отличаются святостью жизни, и окрестное населеніе не проявляетъ къ нимъ ни уваженія, ни симпатіи. Само собою разумѣется, что простой народъ еще менѣе способенъ понимать основанія буддійской религіи, чѣмъ священнослужители: въ его представленіи буддійскіе святыя путаются съ конфуціанскими и даже со стародавними шаманскими одухотвореніями природы. Лишь внѣшность религіи, жертвоприношенія въ храмахъ, участіе въ буддійскихъ праздникахъ и поклоненіе святынямъ, воскуреніе ѳиміама и произнесеніе молитвъ безъ внутренняго пониманія ихъ смысла усвоены массою корейскаго народа; сущность же буддизма, уже въ силу малой развитости населенія Кореи, едва ли могла быть воспринята имъ.

Повидимому, конфуціанская мораль, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ добродѣтелямъ, удобопримѣнимымъ и полезнымъ въ общественной и государственной жизни, была болѣе сродни духу корейской народности, чѣмъ туманный, полный мистической таинственности и идеалистичныхъ, трудно выполнимыхъ стремленій буддизмъ. По крайней мѣрѣ, основы этого вѣроученія проникли гораздо глубже въ народную массу, чѣмъ малодоступное для пониманія простого народа ученіе далекой Индіи. То же самое, впрочемъ, мы видимъ и въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ—въ Китаѣ и Японіи, гдѣ также вѣроученіе Конфуція, болѣе практическое по своему характеру, вытѣснило болѣе идеалистическое и возвышенное ученіе Будды Саккіа-Муни; очевидно, склонные къ подчасъ грубому реализму и живущіе мелкими повседневными заботами и борьбою изъ-за горсти риса, нужной для дневного пропитанія, народы Дальняго Востока оказались скорѣе склонными къ воспріятію сухой прописной морали, не оживляемой идеалистическими стремленіями!

Одновременное существованіе трехъ религій и тѣсное ихъ сплетеніе свидѣтельствуютъ уже о большомъ индифферентизмѣ корейцевъ къ религіознымъ вопросамъ и зависятъ, какъ мы сказали, отъ общаго

низкаго уровня культуры. Этимъ объясняются и сравнительно слабые успѣхи, которые сдѣлало христіанство, существующее въ Корей съ конца XVIII столѣтія. Несмотря на усилія многочисленныхъ миссіонеровъ, въ особенности католиковъ, общее число христіанъ въ Корей различныхъ церквей и сектъ достигало въ 1897 г. лишь 29579. Отчасти крупнымъ тормозомъ въ распространеніи христіанства въ странѣ были тѣ свирѣпыя гоненія на христіанъ, сопровождавшіяся страшными казнями и пытками, о которыхъ мы уже упоминали выше въ историческомъ очеркѣ страны. Во время этихъ гоненій обнаружилось, между прочимъ, то обстоятельство, что и въ Корей возможно появленіе лицъ, глубоко увлеченныхъ и преданныхъ религіи всею душою. Многіе изъ новообращенныхъ христіанъ погибали настоящими мучениками и, несмотря на всѣ старанія преслѣдователей, не отрекались отъ своей вѣры. Это показываетъ, что и въ корейскомъ народѣ заложены все же нѣкоторыя духовныя зачатки, требующіе лишь извѣстныхъ условій для того, чтобы они могли проявиться и выказать всѣ высокія стороны народной души.

Низкій уровень культуры отражается, какъ это вполне естественно, прежде всего на образованности народа, которая въ Корей, можно сказать, находится въ самомъ зачаточномъ состояніи. Лучшимъ показателемъ образованности являются письменность и литература.

Подобно всѣмъ остальнымъ элементамъ культуры, письменность проникла въ Корею съ запада, изъ Китая, и, по даннымъ нѣкоторыхъ авторовъ, это случилось въ самомъ началѣ нашей христіанской эры, тогда какъ по другимъ источникамъ—лишь съ проникновеніемъ въ Корею буддизма, т.-е. въ концѣ IV столѣтія. Китайское іероглифическое письмо употребляется въ Корей такъ же, какъ и въ Китаѣ, для изображенія не звуковъ, а понятій, и потому для передачи одинаковыхъ понятій корейцами примѣняются тѣ же самыя іероглифы, которыми изображаютъ эти понятія китайцы; читаются, однако, іероглифы корейцами совершенно иначе, чѣмъ китайцами, именно каждый іероглифъ произносится по-корейски.

По существу китайскія письмена являются, дѣйствительно, іероглифами, т.-е. начертанія ихъ до нѣкоторой степени приближаются къ изображеніямъ соотвѣтственныхъ предметовъ; въ большинствѣ случаевъ, однако, такое сходство очень отдаленно и изгладилось съ теченіемъ вѣковъ. Совершенно неправильно то представленіе, которое сложилось о китайской письменности, будто въ ней столько же знаковъ, сколько словъ въ языкѣ. Въ дѣйствительности, основныхъ знаковъ сравнительно немного, около 200, и они изображаютъ нѣкоторыя основныя понятія; всѣ остальные понятія получаютъ путемъ различныхъ комбинацій этихъ знаковъ и путемъ прибавленія къ нимъ раз-

ныхъ значковъ, придающихъ то или другое значеніе. Такимъ образомъ, китайскій іероглифъ нерѣдко представляетъ собою нѣчто въ родѣ ребуса, который приходится разгадывать, но все же по основнымъ его составнымъ частямъ можно бываетъ уяснить себѣ его значеніе. При всей несомнѣнной сложности такого способа изображенія мысли и при необходимости помнить огромное количество комбинацій, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что запомнить іероглифы гораздо легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждому слову соответствовалъ особый спеціально для него придуманный знакъ.

Корейцамъ принадлежитъ честь изобрѣтенія совершенно другого способа письменной передачи мысли, именно изобрѣтеніе настоящаго алфавита, чрезвычайно простаго по начертанію и въ то же время очень совершенно передающаго всѣ самыя трудныя слова корейскаго и китайскаго языковъ. Этотъ алфавитъ, такъ называемый «онь-мунъ», состоитъ изъ 11 гласныхъ и 14 согласныхъ и является первымъ фонетическимъ алфавитомъ на Дальнемъ Востокаѣ. Начало къ упрощенію китайскаго письма было положено корейцами еще въ VII вѣкѣ, когда были изобрѣтены особыя письмена, облегчающія чтеніе китайскихъ книгъ тѣмъ, что ими изображались различныя частицы, приставки и предлоги, не употребительныя въ китайскомъ языкѣ.

Въ XV вѣкѣ король Сье-Цзонъ изобрѣлъ алфавитъ онь-мунъ, который позволялъ уже вполне точную транскрипцію китайскихъ іероглифовъ и помогалъ читать и правильно произносить ихъ по-корейски каждому, съ затратою сравнительно небольшихъ усилій. Это прекрасное изобрѣтеніе, которое могло бы при иныхъ условіяхъ послужить къ значительному упрощенію письменной передачи мыслей и къ пышному развитію литературы, дѣлающейся благодаря ему легкодоступной гораздо большому кругу читателей, къ сожалѣнію, совершенно не привилось въ Корей. Китайское письмо, на которомъ были написаны священныя конфуціанскія книги и всѣ историческія и другія сочиненія, заимствованныя изъ Китая, осталось господствующимъ. До настоящаго времени въ Корей считается даже до нѣкоторой степени предосудительнымъ пользоваться простымъ и легкимъ корейскимъ алфавитомъ и, напротивъ, признается хорошимъ тономъ и признакомъ глубокой учености изображать свои мысли трудно понятными китайскими письменами. Ученость и образованность измѣряются здѣсь, какъ и вообще на Востокаѣ, въ значительной степени количествомъ іероглифовъ, которое удалось осилить и запомнить изучающему. Лишь лица неученыя—женщины и школьники—въ самомъ началѣ ихъ учебныхъ занятій пользуются онь-мунемъ.

Другой серьезный факторъ образованности—возможность широко распространять произведенія человѣческаго ума и фантазіи путемъ

книгопечатанія—былъ извѣстенъ въ Корей значительно ранѣе, чѣмъ въ Европѣ. Судя по даннымъ корейскихъ историковъ, можно думать, что книгопечатаніе, производившееся первоначально путемъ вырѣзанія текста всего сочиненія на отдѣльныхъ деревянныхъ доскахъ, которыя намазывались затѣмъ тушью и оттискивались на бумагѣ, стало извѣстно въ Корей не позже IX столѣтія.

Въ этой же странѣ книгопечатаніе сдѣлало впервые тотъ крупный шагъ впередъ, который позволилъ у насъ типографскому искусству сыграть необыкновенно крупную, ни съ чѣмъ несоизмѣримую роль въ исторіи культуры. Именно корейскій король Тэ-Цзонъ предвосхитилъ изобрѣтеніе Гутенберга, такъ какъ еще въ 1403 г. имъ былъ изданъ приказъ объ отливкѣ изъ мѣди 100 тысячъ подвижныхъ литеръ, изображающихъ всѣ китайскія письмена, которыя встрѣчаются въ главнѣйшихъ конфуціанскихъ книгахъ. Въ теченіе XV и первой половины XVI столѣтія въ Корей былъ напечатанъ цѣлый рядъ книгъ при помощи такихъ мѣдныхъ литеръ, по существу сходныхъ съ литерами, которыми печатались книги вскорѣ послѣ Гутенберга; свѣдѣнія о печатаніи книгъ имѣются и съ XVIII столѣтія. Въ настоящее время, однако, книгопечатаніе въ Корей находится въ состояніи полного упадка и, главнымъ образомъ, поддерживается лишь печатаніемъ учебниковъ и книгъ, распространяемыхъ миссіонерами.

Корейская литература имѣла первоначально исключительно религіозный характеръ, и такъ какъ прежде всего появилось буддійское вѣроученіе, то и первыми корейскими книгами были буддійскія священныя книги, проникшія сюда изъ Китая. Точно также съ распространеніемъ конфуціанства проникли и были переизданы въ Корей произведенія Конфуція и другихъ китайскихъ мудрецовъ. Конфуціанская литература развилась въ XV и XVI вѣкѣ благодаря книгопечатанію довольно обширно, и, помимо переводныхъ сочиненій, появились многія оригинальныя, разрабатывающія различныя стороны конфуціанскаго вѣроученія. Наравнѣ съ ними появились около этого же времени и историческія произведенія, излагающія исторію Кореи съ древнѣйшихъ временъ, и даже поэтическія произведенія. Оригинальныхъ произведеній по другимъ областямъ человѣческаго знанія почти не появлялось въ Корей; по медицинѣ, астрономіи, военному искусству и т. п. корейская литература содержитъ лишь переводы съ китайскихъ сочиненій.

Изящная словесность выражается въ Корей, главнымъ образомъ, въ развитіи народныхъ пѣсенъ, легендъ, сказокъ и басенъ, сохраняющихся путемъ устной передачи; лишь небольшое количество произведеній этого рода было напечатано.

Главный расцвѣтъ литературной дѣятельности въ Корей отно-

сится къ XV—XVIII вѣку—времени наибольшаго расцвѣта конфуціанства и въ то же время періоду наиболѣе тѣснаго сближенія съ Китаемъ. Позднѣе литературная дѣятельность сократилась и въ настоящее время проявляется въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ.

Разсадниками образованности въ Корей являются школы, имѣющіяся въ каждомъ городѣ и во многихъ болѣе крупныхъ селеніяхъ. Все обученіе въ этихъ школахъ, продолжающееся нѣсколько лѣтъ, сводится къ изученію грамоты, основъ конфуціанства и самыхъ элементарныхъ основъ математики. Дальнѣйшее образованіе кореецъ можетъ получить лишь въ сеульскихъ школахъ, которыхъ до недавняго времени было нѣсколько: имѣлась астрономическая школа для подготовки астрологовъ и колдуновъ, медицинская школа, въ которой изучали китайскіе способы врачеванія, школа рисованія, школа правовѣдѣнія, школа счетоводства и, наконецъ, даже школа часовщиковъ, гдѣ обучались надсмотрщики, завѣдывавшіе единственными въ тѣ времена въ Корей водяными часами, находившимися въ Сеулѣ.

Въ настоящее время въ Сеулѣ открыто нѣсколько начальныхъ школъ новаго типа, гдѣ ученики обучаются чтенію и письму, ариметикѣ и первоначальнымъ свѣдѣніямъ по географіи и исторіи. Кромѣ того, имѣются англійская, французская, русская и японская школы переводчиковъ, подготовляющія драгомановъ и переводчиковъ соответственныхъ языковъ. Въ русской школѣ, существующей съ 1896 г., преподавателемъ состоитъ русскій бывший офицеръ Г. Бирюковъ, и обучалось за послѣдніе годы болѣе 80 учениковъ.

Имѣется также въ Сеулѣ военная школа, устроенная японцами для подготовки офицеровъ корейской арміи, и японская же медицинская школа, подготовляющая военныхъ фельдшеровъ. Обѣ эти школы, однако, существуютъ всего лишь нѣсколько лѣтъ, и результаты ихъ дѣятельности пока еще ничѣмъ не проявились.

Такимъ образомъ, общій низкій культурный уровень Кореи сказывается и въ дѣлѣ народнаго образованія—оно пока находится лишь въ зачаткѣ.

Образованность въ Корей выражается возможностью читать конфуціанскія книги и нѣкоторыми познаніями въ ариметикѣ, въ исторіи и въ географіи страны. О самостоятельномъ развитіи науки въ Корей до сихъ поръ не могло быть и рѣчи: страню усвоивалась лишь китайская образованность, и то въ мало совершенномъ видѣ.

Государственное устройство въ Корей.

До японо-китайской войны Корея считалась вассаломъ Китая и управлялась королемъ, который хотя и не назначался китайскимъ богдыханомъ, но все же состоялъ отъ него въ нѣкоторой зависимости. Ежегодно корейскій король долженъ былъ отправлять въ Пекинъ посольство съ дарами, состоящими изъ различныхъ произведеній страны, и взаменъ ежегодно присылался китайскій посолъ, который привозилъ въ Сеулъ китайскій календарь на этотъ годъ. Каждый новый корейскій король утверждался въ своемъ санѣ китайскимъ императоромъ, а по смерти короля императоръ жаловалъ ему посмертный титулъ, подъ которымъ корейскіе короли обыкновенно и извѣстны въ исторіи. Во внутреннія дѣла Кореи китайское правительство совершенно не вмѣшивалось, и корейскій король являлся неограниченнымъ монархомъ, имѣвшимъ полное право распоряжаться жизнью и смертью своихъ подданныхъ и судьбами своей страны. Такимъ образомъ, зависимость Кореи отъ Китая была совершенно номинальною.

Начиная съ занятія Кореи японцами въ 1894 г., наступилъ періодъ крупныхъ реформъ, сильно измѣнившихъ весь государственный строй страны. Въ 1897 г., послѣ окончательнаго признанія Кореи независимой, нынѣшній правитель ея, имѣвшій ранѣе титулъ короля, принялъ титулъ «ханъ-чже», т.-е. императора, и въ торжественной деклараціи отказался отъ всякой связи съ Китаемъ и подтвердилъ свою неограниченную власть надъ страной и ея населеніемъ.

Во главѣ всѣхъ административныхъ учрежденій въ Корей былъ поставленъ государственный совѣтъ, состоящій изъ канцлера, всѣхъ министровъ, пяти государственныхъ совѣтниковъ и секретаря. Совѣтъ этотъ вѣдаетъ какъ изданіе новыхъ законовъ, такъ и рѣшаетъ наиболѣе важныя государственныя дѣла, относящіяся къ области внутренней и внѣшней политики.

Второй инстанціей были установлены въ Корей послѣ реформы 8 министерствъ, именно: министерство двора, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, финансовъ, военное, народнаго просвѣщенія, юстиціи и министерство земледѣлія, торговли и промышленности. Сфера дѣятельности этихъ министерствъ приблизительно такая же, какъ и у насъ въ соответственныхъ учрежденіяхъ. Каждое изъ нихъ дѣлится на рядъ департаментовъ и отдѣленій, завѣдующихъ тѣмъ или другимъ дѣломъ, и имѣетъ во главѣ отвѣтственнаго министра, назначаемого императоромъ. Бумажное дѣлопроизводство этихъ министерствъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ и кормитъ обширный штатъ чиновниковъ, не устраняя, однако, крупныхъ неурядицъ во внутреннихъ дѣлахъ Кореи.

Внутреннее управленіе страной обставлено также сложною бюрократическою системою. Вся страна раздѣлена въ административномъ отношеніи на 13 провинцій, называемыхъ по-корейски «до», а эти провинціи подраздѣляются на округа и уѣзды. Во главѣ каждой провинціи стоитъ губернаторъ, во главѣ округа (округовъ всего 10)—окружной начальникъ и во главѣ уѣзда—уѣздный начальникъ; окружные и уѣздные начальники подчинены губернатору. При каждомъ изъ этихъ чиновниковъ-администраторовъ находится значительный штатъ низшихъ служащихъ—писарей, полицейскихъ, курьеровъ и т. п. Какъ окружной, такъ и уѣздный начальникъ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ цѣлый рядъ должностей: онъ является не только управителемъ своего района, но и главнымъ военнымъ начальникомъ, наблюдаетъ за правильнымъ взносомъ податей и налоговъ, завѣдуетъ составленіемъ податныхъ списковъ, наблюдаетъ за школами и нерѣдко даже самъ производитъ экзамены, наконецъ, представляетъ собою до нѣкоторой степени и главное духовное лицо, такъ какъ въ извѣстные дни долженъ приносить жертвы и произносить установленныя молитвы въ конфуціанскомъ храмѣ своего города. Судебныя дѣла также находятся въ вѣдѣніи того же самаго чиновника, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя наказываются каторжною работою или еще болѣе тяжелыми наказаніями.

Тѣ же самыя должности по своей провинціи несутъ и губернаторы, но они обязаны наблюдать за уѣздными и окружными начальниками и обладаютъ болѣе широкими полномочіями и болѣе широкою судебною властью. Сами губернаторы находятся въ подчиненіи министра внутреннихъ дѣлъ и сносятся непосредственно съ Сеуломъ.

Округа и уѣзды дѣлятся въ Корей на волости, а послѣднія подраздѣляются на деревни, причемъ въ деревняхъ существуетъ мѣстное самоуправленіе, представляющее нѣкоторое сходство съ нашимъ устройствомъ. Въ каждой деревнѣ имѣются выборные староста, голова, писарь и посыльный. Всѣ эти должностныя лица избираются домохозяевами на одинъ годъ, причемъ староста несетъ приблизительно тѣ же обязанности, какъ и у насъ.

Для обсуждения и рѣшенія различныхъ деревенскихъ вопросовъ созываются мѣстныя собранія—деревенское, волостное или уѣздное. На этихъ собраніяхъ рѣшаются дѣла, касающіяся регистраціи хозяйствъ и земель, проведенія дорогъ, постройки мостовъ, устройства ирригаціи полей, распределенія обязательныхъ работъ и т. п. Въ деревенскомъ сходѣ принимаютъ участіе по 2 выборныхъ отъ каждой семьи и предсѣдательствуетъ староста. Въ волостномъ собраніи предсѣдательствуетъ волостной старшина и участвуютъ выборные отъ

каждой деревни и волости; въ уѣздныхъ собраніяхъ является предсѣдателемъ уѣздный начальникъ и участвуютъ волостные старшины и по два выборныхъ отъ каждой волости. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи вопросовъ, наиболѣе близкихъ къ самому населенію, оно принимаетъ непосредственное участіе, но окончательная санкція дается все же соотвѣтственнымъ чиновникомъ-администраторомъ той или другой инстанціи.

Судопроизводство въ Корей очень несовершенно. За исключеніемъ верховнаго суда, находящагося въ Сеулѣ и рѣшающаго самыя важныя дѣла, все судопроизводство находится въ рукахъ губернаторовъ и окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, сами и рѣшаютъ дѣла и приводятъ свои постановленія въ исполненіе. Печатнаго свода законовъ, которыми судьи могли бы руководствоваться при отправленіи своихъ обязанностей, въ Корей не имѣется, и судебный приговоръ постановляется, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла и по выслушаніи свидѣтелей и обвиняемаго, согласно съ обычаями страны. Въ случаѣ какихъ-нибудь неправильностей при судопроизводствѣ, обвиняемый можетъ апеллировать въ судъ высшей инстанціи—изъ уѣзднаго города въ областной или, наконецъ, въ верховный сеульскій судъ, но случается это рѣдко.

Благодаря тому, что судебныя должности не отдѣлены въ Корей отъ административныхъ и судьями являются чиновники, не подготовленные и не знающіе законовъ, а главные алчные къ деньгамъ и недобросовѣстные,—подкупность и продажность въ корейскихъ судахъ дѣло самое обыкновенное. При финансовыхъ неурядицахъ страны чиновники болѣею частью получаютъ свое жалованье очень нерегулярно, а иногда и вовсе не получаютъ его по годамъ и волей-неволей принуждены кормиться за счетъ мѣстнаго населенія. При этомъ удержаніе въ свою пользу части государственныхъ доходовъ и взяточничество при веденіи судебныхъ процессовъ являются для нихъ самыми доходными статьями и нерѣдко используются въ самой широкой степени, несмотря на то, что по корейскому закону взяточникъ приговаривается къ смертной казни или къ ссылкѣ. При широкой власти, которой пользуются мѣстные управители, жалобы на ихъ дѣянія рѣдко достигаютъ Сеула, и центральное правительство узнаетъ объ ихъ образѣ дѣйствій развѣ лишь тогда, когда мѣстное населеніе, выведенное изъ терпѣнія незаконными поборами, открыто начнетъ проявлять свое неудовольствіе, и въ провинці вспыхнетъ бунтъ.

Наказанія, къ которымъ приговариваютъ въ Корей за различныя проступки, въ прежнія времена были очень жестоки, причемъ помимо казни примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ также и пытки для того, чтобы добиться признанія обвиняемаго. Пытаемому вывихивали и ло-

мали кости, перепиливали веревкою мышцы ногъ, вырывали кусками мясо, привязывали зажженные фитили къ ногамъ, подвѣшивали его за руки надъ огнемъ и т. п., приговореннаго же къ смерти казнили не только отрубаніемъ головы и повѣшеніемъ, но и сжиганіемъ заживо, ударами палокъ или даже закапываніемъ живымъ въ землю. Особенно сильно наказывались и наказываются и по настоящее время проступки дѣтей противъ родителей и рабовъ противъ ихъ господъ; сынъ, ударившій своего отца, или рабъ, сжегшій поминальныя таблички предковъ своего господина, наказывались смертию, если же сынъ убилъ своихъ родителей, то онъ сжигался живымъ.

Въ настоящее время, послѣ реформы, наказанія значительно смягчились, пытки были отмѣнены совершенно, и за тяжкія преступленія наказываютъ теперь смертною казнью, пожизненною ссылкой, или каторжными работами въ государственныхъ рудникахъ; за болѣе легкія преступленія полагаются тюрьма или тѣлесныя наказанія кнутомъ или бамбуковыми палками; обычнымъ орудіемъ наказанія является также употребляемая и въ Китаѣ «канга» — большая и тяжелая четырехугольная доска, состоящая изъ двухъ половинъ съ отверстіемъ посрединѣ, въ которое входитъ шея преступника. Обѣ половины приставляются къ шеѣ и замыкаются съ боковъ на ключъ, такъ что разнять ихъ невозможно. Съ кангой на шеѣ совсѣмъ нельзя лежать, и приходится испытывать страшныя мученія, такъ какъ тяжесть доски все время давитъ на плечи. Кромѣ того, преступникъ совершенно безпомощенъ и, безъ содѣйствія постороннихъ, можетъ умереть съ голода и жажды, такъ какъ ему не достать до рта руками.

Вся администрація Кореи состоитъ исключительно изъ гражданскихъ чиновъ, такъ какъ корейцы восприняли отъ своихъ учителей-китайцевъ отношеніе къ военнымъ силамъ, какъ лишь къ неизбежному злу. По представленію корейцевъ, гражданская служба является гораздо болѣе почетною, чѣмъ военная, и потому управлять страной должны гражданскіе чиновники, а военные должны быть лишь ихъ подчиненными помощниками. Корейское войско составлялось съ давнихъ поръ преимущественно изъ людей низшаго сословія — простолюдиновъ и рабовъ (рабство процвѣтало въ Корей до реформы, хотя по численности рабы и не составляли значительнаго элемента народонаселенія), и офицера комплектовались изъ самыхъ захудалыхъ и разорившихся дворянскихъ семей («янь-баней»). Войско и военные не пользовались особеннымъ почетомъ и не имѣли никакихъ особыхъ привилегій, и, хотя по закону всѣ корейскіе подданные до 60 лѣтъ могли призываться къ отбыванію воинской повинности, для чего они заносились даже въ особые списки, однако, огромное большинство уклонялось отъ воинской службы и откупалось отъ нея особымъ на-

логомъ, такъ что многочисленное войско, существовавшее въ Корей на бумагѣ, сводилось въ дѣйствительности къ очень ограниченнымъ по численности и плохо организованнымъ военнымъ силамъ. Вооруженіе войскъ до реформы было совершенно первобытное: солдаты были вооружены копьями, мечами и луками съ отравленными стрѣлами. Огнестрѣльнымъ оружіемъ, фитильнымъ или кремневымъ были снабжены далеко не всѣ. Крѣпости защищались самыми первобытными пушками, желѣзными или мѣдными; укрѣпленныхъ пунктовъ было немного, и содержались они въ очень плохомъ состояніи.

Реформы, начавшіяся послѣ японо-китайской войны, коснулись и военнаго устройства. Для преобразованія арміи были приглашены инструкторы, сперва американскіе офицера, потомъ русскіе и, наконецъ, японцы. Армія была раздѣлена на нѣсколько полковъ, организованныхъ по европейскому образцу; было учреждено 12 военныхъ чиновъ, солдатамъ и офицерамъ было назначено жалованье; наконецъ, была измѣнена и обмундировка солдатъ по японскому образцу, и были приобрѣтены ружья различныхъ системъ. Тѣмъ не менѣе, и до настоящаго времени корейская армія, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ у государства, не превышаетъ 5000 человекъ и далеко не можетъ похвастаться дисциплинированностью и благоустройствомъ. Что же касается флота, то въ настоящее время его нѣтъ совершенно, хотя въ XVII столѣтіи, какъ мы говорили уже въ историческомъ очеркѣ, Корея не только располагала относительно большимъ боевымъ флотомъ, но и одерживала даже при его помощи блистательныя побѣды надъ Японіей.

Неорганизованность арміи и флота зависитъ, съ одной стороны, отъ современныхъ финансовыхъ неурядицъ и низкаго уровня культуры Кореи, съ другой—также и отъ историческихъ причинъ. Разоренная многочисленными прежними нашествіями враговъ, Корея въ теченіе 2—3 послѣднихъ столѣтій не вела никакихъ войнъ и жила совершенно изолированной жизнью. Это обстоятельство вызвало упадокъ военнаго искусства и полный застой въ немъ, что, въ свою очередь, привело корейское государство къ его современной беззащитности и безсилію.

Корея и сосѣднія государства.

Царствованіе нынѣшняго правителя Кореи было богато внутренними и внѣшними событіями, а судьба его самого обильнѣе различными трагическими перипетіями, чѣмъ жизнь любого изъ современныхъ монарховъ. Смутное время въ Корей началось со смертію въ 1863 г. короля Чюль-Цзона, который не оставилъ послѣ себя

прямыхъ наследниковъ и не назначилъ себѣ преемника, вслѣдствіе чего при дворѣ начались интриги и борьба изъ-за престола между различными родственниками короля. Послѣ продолжительныхъ неурядицъ одержала верхъ королева Цзо, усыновившая принца Икъ-Сіона, сына одного изъ дальнихъ родственниковъ покойнаго короля И-Хаына. Принцу Икъ-Сіону—нынѣ царствующему императору Кореи—было въ то время всего лишь 12 лѣтъ, и потому въ дѣйствительности первые годы правила страню номинально королева Цзо, а фактически И-Хаынъ, извѣстный болѣе въ исторіи подъ титуломъ Тэ-Уонь-Гуня, предоставляемомъ въ Корей отцу короля. Тэ-Уонь-Гунь, человекъ чрезвычайно ловкій и способный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, властолюбивый и нѣразборчивый въ средствахъ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, которыя пришлось пережить странѣ за послѣднія десятилѣтія.

Первыя десятилѣтія царствованія Икъ-Сіона прошли, однако, сравнительно спокойно, хотя и тогда уже происходили нѣкоторыя внутреннія неурядицы, такъ какъ Тэ-Уонь-Гунь велъ энергичную борьбу съ представителями могущественной корейской аристократіи—янь-банями. Затѣмъ ненависть Тэ-Уонь-Гуня къ иностранцамъ и опасенія, что проникшее въ Корею христіанство поведетъ къ сближенію съ «западными варварами», какъ называли европейцевъ китайцы и корейцы, побудили Тэ-Уонь-Гуня начать жестока гоненія на христіанъ, а это повлекло за собою первыя крупныя столкновенія съ европейцами—экспедицію французскаго адмирала Розъ и американскую экспедицію адмирала Роджерса, о которыхъ мы говорили выше. Позднѣйшее столкновение съ японцами едва не вовлекло Корею въ войну съ Японіей и закончилось открытіемъ корейскихъ портовъ сперва для японской, а затѣмъ и для европейской торговли.

Нарушеніе полной изолированности и сближеніе Кореи съ Японіей и съ европейцами обусловило возникновеніе въ странѣ партіи, стремившейся къ реформамъ и нововведеніямъ, желавшей преобразовать Корею по образцу только-что преобразовавшейся Японіи. Противовѣсомъ этой партіи была консервативная партія съ Тэ-Уонь-Гунемъ во главѣ; послѣдній всталъ въ то же время во враждебныя отношенія къ своему сыну-королю, который, достигнувъ совершеннолѣтія, устранилъ его отъ управленія государственными дѣлами. Главное вліяніе на короля и на управленіе страню получила энергичная и властолюбивая супруга короля, королева Минь.

Мало-по-малу борьба партій въ Корей обострялась и проявилась въ цѣломъ рядѣ дворцовыхъ революцій и мятежей. Такъ, въ 1882 г., консервативная партія воспользовалась засухой, грозившей странѣ голодомъ, и возбудила народное возстаніе въ Сеулѣ, сдѣ-

лавъ попытку схватить короля, когда онъ совершалъ торжественное моленіе о ниспосланіи дождя. Въ то же время сторонники Тэ-Уонь-Гуня распространили слухъ, что японцы, которыхъ тогда было уже не мало въ столицѣ Кореи, напали на дворець и взяли въ плѣнъ короля и королеву. Это вызвало разгромъ японскаго квартала, при которомъ погибло нѣкоторое количество японцевъ, тогда какъ остальные успѣли спастись, пробившись съ оружіемъ въ рукахъ къ морю.

Какъ бы то ни было, Тэ-Уонь-Гуню удалось захватить на нѣкоторое время власть въ свои руки и воспользоваться ею въ смыслѣ наказанія своихъ враговъ: многіе изъ приверженцевъ королевы и членовъ семьи Минъ были казнены, и сама королева и наслѣдникъ престола спаслись лишь бѣгствомъ и принуждены были долгое время скрываться вдали отъ Сеула. Разгромъ японцевъ, однако, опять едва не вызвалъ войны съ Японіей и, во всякомъ случаѣ, стоилъ Корей дорого, такъ какъ правительству пришлось уплатить всѣ убытки и, кромѣ того, разрѣшить японцамъ содержать въ Сеулѣ войско.

Между тѣмъ Китай давно уже опасался, какъ бы его до того времени вѣрный вассалъ не сдѣлался жертвою завоевательныхъ стремленій Японіи, и съ тревогою слѣдилъ за усиленіемъ въ Корей японскаго вліянія. Внутреннія неурядицы позволили Китаю вмѣшаться, и, благодаря присылкѣ въ Корею китайскаго войска и насильственному увозу Тэ-Уонь-Гуня, котораго китайцамъ удалось хитростью заманить на китайское военное судно, на нѣкоторое время въ Корей снова былъ водворенъ порядокъ, и преобладающее вліяніе на короля опять получили королева Минъ и члены ея семьи, сдѣлавшіеся преданными сторонниками китайскаго вліянія въ странѣ. Партія реформъ, съ другой стороны, стремилась къ усиленію вліянія Японіи на внутреннія дѣла Кореи, и, такимъ образомъ, борьба между этими двумя партіями стала сводиться все болѣе и болѣе явственно къ борьбѣ между приверженцами Китая и сторонниками Японіи.

Черезъ два года, въ 1884 г., борьба между этими партіями снова обострилась и привела къ кровавой катастрофѣ. Воспользовавшись беспорядками, возникшими въ городѣ, сторонники японской партіи, при содѣйствіи японскаго войска, вошли во дворець и захватили короля подъ предлогомъ, что хотятъ защитить его отъ мятежниковъ; затѣмъ, завладѣвъ государственною печатью, послали приказы наиболѣе выдающимся представителямъ противной партіи немедленно явиться во дворець, и, по мѣрѣ того какъ тѣ приходили, тутъ же умерщвляли ихъ. Торжество ихъ продолжалось, однако, не долго. Находившійся тогда въ Сеулѣ начальникъ китайскихъ войскъ генераль Ю-Ань, узнавъ о происшедшемъ, ворвался со своими и съ корейскими войсками во дворець, гдѣ завязалась жаркая схватка между ними

и японцами. Значительный численный перевѣсъ оказался на сторонѣ китайцевъ, и японцамъ, вмѣстѣ съ корейскими привѣрженцами реформъ, едва удалось спастись въ японское посольство. Эти событія вызвали снова мятежъ и рѣзню въ городѣ, причемъ погибло много японцевъ. Было сожжено японское посольство, и японскій отрядъ былъ принужденъ выступить въ Чемульпо подъ прикрытіе своихъ военныхъ судовъ. Власть снова возвратилась въ руки короля и сторонниковъ консервативной партіи, тогда какъ приверженцы противной партіи частью бѣжали, частью были казнены.

Это вторичное нападеніе на японцевъ вызвало со стороны японскаго правительства снаряженіе посольства въ Китай, на которое была возложена задача придти къ соглашенію съ китайскимъ правительствомъ относительно будущей политики въ Корей. Посольству этому, дѣйствительно, удалось заключить въ 1885 г. въ Тянь-Цзинѣ договоръ, по которому оба государства условливались не посылать въ Корею своихъ войскъ и военныхъ инструкторовъ и извѣщать другъ друга въ томъ случаѣ, если посылка войскъ явится неизбежною, вслѣдствіе возникновенія въ Корей безпорядковъ. Этотъ договоръ, явившійся первымъ дипломатическимъ успѣхомъ Японіи по отношенію къ Корей, далъ возможность японцамъ безпрепятственно усиливать постепенно свое экономическое вліяніе на Корейскомъ полуостровѣ безъ опасенія встрѣтить серьезное сопротивленіе со стороны китайцевъ. Японія отнюдь не отказалась отъ своей завѣтной мечты—уничтожить всякое вліяніе Китая на Корею, и если не захватить окончательно послѣднюю, то, по крайней мѣрѣ, получить преобладающее вліяніе на ея дѣла. Эта задача была лишь отсрочена, и прежде всего Японія поставила цѣлью захватить въ свои руки внѣшнюю торговлю и всѣ внѣшнія сношенія Кореи; какъ мы говорили уже выше, это и удалось блестяще выполнить японцамъ въ теченіе 9-ти лѣтъ относительнаго спокойствія вслѣдъ за Тянь-Цзиньскимъ договоромъ. Такой экономической захватъ страны долженъ былъ подготовить почву для ея болѣе полнаго порабощенія.

Что касается внутреннихъ дѣлъ Кореи, то они претерпѣли за это время мало измѣненій. Внутренняя глухая борьба партій продолжалась, хотя и съ менѣе рѣзкими проявленіями, тѣмъ болѣе, что виновникъ многихъ золъ, обрушившихся на Корею, Тэ-Уонь-Гунъ, былъ возвращенъ китайцами въ Сеулъ и снова сталъ во главѣ партіи приверженцевъ Японіи. Отношенія Кореи къ Китаю оставались прежними, номинально вассальными, и попрежнему ежегодно отправлялось въ Пекинъ посольство съ незначительною данью, и въ отвѣтъ прибывало въ Сеулъ китайское посольство, которое король долженъ былъ встрѣчать передъ воротами города.

Непорядки внутренняго управленія страною, хищничество чиновниковъ, выжимавшихъ соки изъ населенія за этотъ мирный періодъ, не были устранены и вызвали, въ концѣ концовъ, на юго-западѣ Кореи мятежь, получившій названіе возстанія «тонъ-хаковъ». Подъ этимъ именемъ извѣстна въ Корей особая секта, носившая первоначально исключительно религіозный характеръ и соединявшая въ себѣ элементы, заимствованные отъ конфуціанства, буддизма и христіанства; позднѣе она получила политическую окраску, именно объединила подъ своимъ знаменемъ всѣхъ, недовольныхъ правительствомъ и протестующихъ противъ современнаго положенія вещей. Возстаніе тонъ-хаковъ въ 1894 г. приняло угрожающіе размѣры, и корейское войско, высланное противъ мятежниковъ, было разбито, такъ что правительству пришлось обратиться за помощью къ Китаю, который немедленно выслалъ двухтысячный отрядъ, отгнѣснвшій тонъ-хаковъ на югъ.

Этими событіями не могла не воспользоваться Японія, признавая моментъ подходящимъ для того, чтобы попытаться осуществить свои замыслы по отношенію къ Корей. Тотчасъ же былъ посланъ значительный японскій отрядъ, который занялъ позиціи, господствующія надъ дорогами въ Сеулъ и Чѣмупо, и были отпращены войска также на югъ Кореи. Въ отвѣтъ на протестъ китайскаго правительства Японія поставила въ видѣ ультиматума рядъ такихъ условій, на которыя ни Китай, ни Корея не нашли возможнымъ согласиться, такъ что война сдѣлалась неизбежною.

Однако, еще до фактическаго начала войны съ Китаемъ японцы обезпечили себѣ полную свободу дѣйствій въ Корей, ворвавшись въ королевскій дворець и захвативъ въ свои руки короля и всю его семью. Немедленно было образовано новое правительство съ Тэ-Уонь-Гунемъ и приверженцами Японіи во главѣ, и, такимъ образомъ, несмотря на полное несочувствіе народа, Японія получила возможность распоряжаться въ странѣ по своему усмотрѣнію. Подъ давленіемъ Японіи, Корея подписала съ нею договоръ, по которому японцамъ поручалось изгнать изъ страны китайскія войска. Кромѣ того, былъ уничтоженъ торговый договоръ съ Китаемъ, и китайскимъ подданнымъ дозволено было жить въ Корей лишь въ портовыхъ городахъ.

20 іюля 1894 г. послѣдовало формальное объявленіе войны Китаю, и въ первыхъ же стычкахъ китайскія войска, еще въ предѣлахъ Кореи, были разбиты японцами на-голову и бѣжали. Столь же счастлива для японцевъ была и остальная часть кампаніи, кончившаяся уничтоженіемъ китайскаго флота, полнымъ разгромомъ китайскихъ войскъ въ Маньчжуріи и легко доставшимся взятіемъ Портъ-Артура.

По заключенному 5 апрѣля 1895 г. въ Симоносеки мирному договору съ Китаемъ Японія должна была получить въ вѣчное владѣніе весь Ляодунскій полуостровъ съ прилежащими къ нему островами и прибрежную полосу Маньчжуріи отъ устья рѣки Ялу до рѣки Ляо-хэ. Такимъ образомъ, Корея оказалась бы охваченной съ двухъ сторонъ Японіей и естественнымъ порядкомъ вещей должна была бы рано или поздно окончательно подпасть ея вліянію. Такая перспектива показалась, однако, опасной для сохраненія равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ европейскимъ державамъ, и, въ силу этого, Россія, Франція и Германія ультиматумомъ, поставленнымъ Японіи, потребовали полного отказа ея отъ притязаній на Ляодунскій полуостровъ, взамѣнъ котораго Японія получила Формозу и добавочное денежное вознагражденіе. Осенью того же года Ляодунскій полуостровъ былъ оставленъ японцами, а весной 1898 г. онъ былъ занятъ русскими войсками, такъ какъ Россія получила его отъ китайскаго правительства въ арендное пользованіе на 25-лѣтній срокъ.

Опасность полного поглощенія Японіей, угрожавшая Корей, миновала, но происшедшія событія, тѣмъ не менѣе, очень сильно отразились на внутренней государственной жизни страны и на упроченіи въ ней японскаго вліянія. Подъ давленіемъ Японіи въ Корей былъ проведенъ цѣлый рядъ важныхъ внутреннихъ реформъ, для чего былъ учрежденъ особый законодательный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ перваго министра. Изъ мѣропріятій этого совѣта особенно важными являются, полное уравненіе янъ-баней съ простымъ народомъ предъ лицомъ закона, упраздненіе рабства, уничтоженіе экзаменовъ для полученія чиновъ и многочисленныя преобразованія, долженствовавшія улучшить отношенія чиновниковъ къ народонаселенію. Большинство этихъ мѣропріятій, впрочемъ, не было проведено въ жизнь, тѣмъ болѣе, что встрѣчало постоянно полное противодѣйствіе со стороны всего корейскаго населенія, настроеннаго вообще консервативно и съ ненавистью взирающаго на упроченіе въ странѣ японцевъ.

По Симоносекскому договору Корея была объявлена независимымъ государствомъ, и король далъ торжественную клятву въ храмѣ своихъ предковъ сохранять полную независимость страны и заботиться о введеніи реформъ для улучшенія ея внутренняго быта. Борьба партій въ странѣ, однако, не прекращалась. Тэ-Уонъ-Гунъ во главѣ партіи, желавшей реформъ, держалъ сторону японцевъ и интриговалъ противъ королевы Минъ, которая стояла во главѣ консервативной партіи, боровшейся противъ японскаго вліянія. Постоянно смѣнявшіеся министры и другіе высшіе сановники также вели нескончаемыя интриги одинъ противъ другого, между тѣмъ какъ финансы

страны и ея внутреннія дѣла приходили все въ бѣднѣйшій и бѣднѣйшій упадокъ. Наравнѣ съ крупными реформами, знаменовавшими, дѣйствительно, нѣкоторый прогрессъ въ управленіи страной, японцы настаивали также и на проведеніи многихъ мелкихъ нововведеній, нарушавшихъ вѣковыя обычаи и привычки корейскаго народа; такъ, былъ изданъ указъ о замѣнѣ платья съ широкими рукавами болѣе удобнымъ для работы костюмомъ, было запрещено носить корейскую прическу и т. д.,—все это, разумѣется, еще болѣе раздражало простой народъ и возстановляло его противъ корейскихъ реформаторовъ и ихъ вдохновителей-японцевъ.

Въ борьбѣ придворныхъ партій одерживала верхъ то одна партія, то другая, и японцы не могли не замѣтить, что главою и душою консервативной партіи являлась королева, имѣвшая сильное вліяніе на своего супруга. Вновь назначенный японскій посланникъ, генераль Миура, ознакомившись съ положеніемъ вещей, рѣшилъ нанести окончательный ударъ враждебной японцамъ партіи устраненіемъ королевы. Заручившись для этого содѣйствіемъ Тэ-Уонь-Гуня и его сторонниковъ, японцы подготовили снова нападеніе на дворецъ. Ночью 8 октября 1895 г. отрядъ японскихъ солдатъ и корейцевъ проникъ во дворецъ и захватилъ сперва короля и наследника престола, а затѣмъ звѣрски умертвилъ разбуженную отъ сна и тщетно пытающуюся спастись бѣгствомъ 45-лѣтнюю королеву. Король, попавшій въ руки враговъ, принужденъ былъ исполнять все, что ему диктовали, и даже скрѣпилъ своею печатью указъ о низложеніи уже покойной королевы въ разрядъ низшихъ наложницъ. Было образовано снова правленіе изъ министровъ, принадлежавшихъ къ партіи реформъ, и неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное на населеніе Кореи убійствомъ любимой многими королевы, японцы пытались всячески загладить.

Дѣйствія новаго правительства и всѣ неурядицы послѣдняго времени вызвали, однако, сильное броженіе въ народѣ, и можно было ожидать, что повторится опять массовое возстаніе корейскаго народонаселенія противъ ненавистныхъ имъ японцевъ. Въ то же время правитель страны находился въ безвыходномъ положеніи, окруженный въ своемъ дворцѣ врагами и ежеминутно ожидающій новыхъ покушеній на его жизнь. Все это побудило короля искать спасенія подъ защитою иностранной державы, именно въ русскомъ посольствѣ, куда ему удалось тайно бѣжать 11-го февраля 1896 года. Въ стѣнахъ посольства преслѣдуемый злымъ рокомъ монархъ несчастной страны нашелъ не только защиту отъ своихъ враговъ, но и самую дружелюбную и радушную встрѣчу со стороны тогдашняго русскаго посланника въ Корей Вебера.

Россія начала тщательно слѣдить за событіями, происходящими

въ Корей, еще съ середины 1880-ыхъ годовъ, а послѣ возникновенія осложненій между Японіей и Китаемъ вниманіе было, само собою разумѣется, удвоено. Опасность упроченія въ Корей японскаго вліянія и невозможность допустить окончательный переходъ этой страны подъ власть Японіи были признаны еще тогда же, но препятствовать какимъ-либо образомъ утвержденію Японіи въ Корей, при слабомъ развитіи нашей торговли и при полномъ отсутствіи русскихъ людей въ этой странѣ, не было возможности. Бѣгство короля въ русское посольство и пребываніе въ послѣднемъ въ теченіе цѣлаго года дало прекрасный случай Россіи получить преобладающее вліяніе на внутреннія дѣла Кореи, но, къ сожалѣнію, случай этотъ не былъ въ достаточной степени использованъ. Правда, по ходатайству короля, были въ 1897 г. отправлены въ Корею въ качествѣ инструкторовъ корейскаго войска 3 русскихъ офицера и 10 унтеръ-офицеровъ, и въ качествѣ совѣтника по финансовымъ дѣламъ былъ командированъ въ Сеулъ чиновникъ министерства финансовъ г. Алексѣевъ; однако, пребываніе ихъ въ странѣ было очень непродолжительнымъ, и уже черезъ годъ они были отозваны и замѣнены японскими инструкторами и англійскимъ совѣтникомъ.

Точно также очень недолго просуществовало въ Сеулѣ отдѣленіе нашего Китайскаго банка, которое было упразднено, едва успѣвъ начать операціи. Съ того времени вся дѣятельность русской дипломатіи въ Корей заключалась лишь въ стремленіи парализовать усиливающееся вліяніе японцевъ, и единственными приобрѣтеніями ея были уступка Россіи въ арендное пользованіе небольшого земельного участка въ договорномъ международномъ портѣ Масаньпо и нѣкоторыя концессіи, полученныя русскими предпринимателями, напримѣръ, концессія лѣсного дѣла на р. Ялу и концессія китобойнаго промысла на восточныхъ берегахъ Кореи графа Кейзерлинга.

За время пребыванія въ русскомъ посольствѣ корейскому королю удалось освободиться совершенно отъ вліянія японской политики и возстановить свою почти утраченную власть. Имъ была образована комиссія изъ корейскихъ сановниковъ и нѣсколькихъ европейцевъ для пересмотра всѣхъ изданныхъ за послѣдніе годы законовъ и распоряженій правительства, былъ упраздненъ комитетъ министровъ, и возстановленъ существовавшій въ Корей со временъ древности государственный совѣтъ.

Прогрессивное движеніе въ странѣ, однако, не затихло и выразилось возникновеніемъ въ Сеулѣ особаго политическаго общества, получившаго наименованіе «Клуба Независимости». Это общество сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ среди корейскаго населенія, и въ составѣ его числилось немало выдающихся сановниковъ, тѣмъ

болѣе, что первое время оно не имѣло противоправительственнаго характера и даже пользовалось покровительствомъ короля. Однако, позднѣе Клубъ Независимости пріобрѣлъ настолько сильное вліяніе въ странѣ, что сдѣлался опаснымъ для правительства, и дѣятельность его приняла другой характеръ и неоднократно шла въ разрѣзъ съ желаніями правительства, вслѣдствіе чего, въ концѣ концовъ, клубъ былъ закрытъ.

Въ началѣ 1897 года былъ законченъ новый дворецъ для корейскаго короля, такъ какъ онъ не хотѣлъ оставаться въ старомъ, связанномъ для него со слишкомъ многими тяжелыми воспоминаніями. Почувствовавъ себя въ безопасности, король покинулъ русское посольство и водворился въ своемъ новомъ жилищѣ, расположенномъ неподалеку отъ зданій посольствъ европейскихъ державъ, въблизи которыхъ онъ чувствовалъ себя все же, повидимому, болѣе спокойно. Вскорѣ послѣ того онъ принялъ титулъ императора, и Корея была торжественно объявлена независимой имперіей, а позднѣе ея независимость была подтверждена дипломатическимъ соглашеніемъ между Японіей и Россіей, въ одномъ изъ пунктовъ котораго оговаривалось невмѣшательство Россіи въ дальнѣйшее развитіе экономическаго вліянія Японіи на Корею. Этотъ договоръ далъ новый толчокъ къ тому постепенно разраставшемуся экономическому захвату Кореи Японіей, о которомъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ. Не встрѣчая препятствій со стороны наиболѣе опаснаго своего соперника — Россіи, Японія постепенно расширяла свою коммерческую дѣятельность, заботилась о развитіи путей сообщенія въ Корей и удержаніи ихъ въ своихъ рукахъ, увеличивала путемъ соглашеній съ корейскимъ правительствомъ количество договорныхъ портовыхъ городовъ и въ то же время всячески старалась пріобрѣсть вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику страны.

Несмотря на то, что въ корейскомъ народѣ не уменьшалось враждебное отношеніе къ японцамъ, обусловленное ихъ безцеремоннымъ образомъ дѣйствій, корейское правительство, раздираемое внутренними неурядицами и не обладающее ни войскомъ, ни финансовыми средствами, не имѣло силъ противодѣйствовать сплоченной и прекрасно организованной японской пропагандѣ. Шагъ за шагомъ оно было принуждено уступать японцамъ и подпадало все болѣе и болѣе ихъ вліянію.

Японія понимала, однако, очень хорошо, что окончательное упроченіе ея власти въ Корей сдѣлается возможнымъ лишь съ полною утратою самостоятельности Корейской имперіи и съ устраненіемъ изъ Кореи и изъ сосѣдней Маньчжуріи русскаго вліянія. Японцамъ постоянно приходилось встрѣчаться съ энергичнымъ сопротивленіемъ

русской дипломатіи при всѣхъ ихъ попыткахъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Между тѣмъ, для Японіи Корея являлась единственною областью, удобною для колонизаціи, а развитіе колонизаціонное движеніе являлось совершенно необходимымъ при томъ избыткѣ населенія, который давно уже давалъ себя чувствовать на японскихъ островахъ. Корея представляла собою также и наиболѣе удобный рынокъ для сбыта различныхъ японскихъ дешевыхъ, но плохихъ произведеній промышленности. Наконецъ, она въ представленіи японскихъ политиковъ рисовалась мостомъ, чрезъ который могущество и власть возрожденной къ новой жизни Японской имперіи должны были распространиться и на сосѣдній материкъ, причемъ тѣмъ изъ нихъ, которые обладали наиболѣе богатою фантазіею, рисовался уже въ недалекомъ будущемъ и захватъ Китая, и объединеніе всей монгольской расы подъ властью великой имперіи Восходящаго Солнца. Эти мечты и надежды руководителей японской политики, въ связи съ чувствомъ обиды и желаніемъ мщенія за неудачу, которую понесла Японія, главнымъ образомъ, благодаря Россіи послѣ своей первой крупной побѣды надъ Китаемъ, были основною причиною тѣхъ неустанныхъ приготовленій Японіи къ войнѣ съ нашимъ отечествомъ, которыя предшествовали современнымъ событіямъ.

Что же представляетъ собою Корея для Россіи, и какое она имѣетъ для нея значеніе?

Поступательное движеніе Россіи на востокъ и расширеніе ея владѣній въ этомъ направленіи началось еще съ первыхъ завоеваній Сибири Ермакомъ и его послѣдователями и, казалось, завершилось и достигло своего естественнаго предѣла, когда граница нашего отечества охватила восточную окраину—во второй половинѣ прошлаго столѣтія Россія получила въ свое полное владѣніе низовья Амура, островъ Сахалинъ и богатый Уссурійскій край. Здѣсь Россія, можно было думать, нашла выходъ въ океанъ, начало свободнаго морского пути, котораго давно уже искала и на востокъ, и на западъ; обладая Владивостокомъ и Николаевскомъ-на-Амурѣ, она владѣла ч моремъ и безпрепятственно могла развивать на Востокъ свою торговлю.

Въ дѣйствительности, однако, оказалось, что добытые Россіей цѣною немалыхъ усилій опорные пункты являются все же недостаточными для намѣченной цѣли. Не говоря уже про то, что оба упомянутые порта замкнуты въ теченіе значительной части года льдами, стоитъ лишь бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ томъ, что и въ лѣтнее время изъ нихъ нѣтъ свободнаго выхода въ море: Охотское море неблагоприятно для плаванія вслѣдствіе долго сохраняющихся здѣсь льдовъ и страшныхъ тумановъ, царящихъ лѣтомъ; кромѣ того, оно сообщается съ океаномъ узкими и опасными Куриль-

скими проливами; Японское же море замкнуто со всѣхъ сторонъ японскою территоріею и связано съ открытымъ океаномъ также лишь узкими Лаперузовымъ, Сангарскимъ и Симоносекскимъ проливами, находящимися во владѣніи Японіи. Единственнымъ сколько-нибудь удобнымъ и широкимъ выходомъ въ океанъ является Корейскій проливъ—между полуостровомъ Кореи и самымъ южнымъ изъ большихъ японскихъ острововъ, о-вомъ Кіу-Сіу,—и онъ отчасти суживается хорошо укрѣпленнымъ японскимъ островомъ Цусима (Тсусима).

Вопросъ о выходѣ въ открытое море сдѣлался особенно острымъ съ того времени, какъ было рѣшено соединить восточную окраину желѣзнодорожнымъ путемъ съ центральною частью Имперіи. Для Великаго Сибирскаго пути необходимъ былъ конечный пунктъ, который бы обладалъ незамерзающею гаванью и давалъ бы свободный доступъ къ открытому океану. Такимъ пунктомъ, обладающимъ также и многими другими стратегическими и экономическими преимуществами, былъ избранъ Портъ-Артуръ, явившійся вторымъ нашимъ оплотомъ на восточной окраинѣ и замѣнившій собою Николаевскъ, который расположенъ крайне неблагоприятно и потому давно уже утратилъ все прежнее значеніе.

Опираясь на Владивостокъ и Портъ-Артуръ, Россія могла считать свое господство на морѣ обеспеченнымъ, пока Корея являлась самостоятельнымъ государствомъ, независимымъ отъ Японіи. Стоило, однако, Корей сдѣлаться подвластною Японіи—и Россія утратила бы свою господствующую роль на морѣ, такъ какъ морское сообщеніе между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ было бы отрѣзано, и Корейскій проливъ превратился бы для насъ въ новыя Дарданеллы.

Такимъ образомъ, намъ настолько же важно было, чтобы Корея сохранила свою независимость и служила бы «государствомъ-буферомъ» на востокъ, насколько для Японіи было желательнымъ сдѣлать эту страну первымъ звеномъ своихъ дальнѣйшихъ завоеваній на материкѣ. Эта коллизія интересовъ обоихъ государствъ была основною причиною того кроваваго столкновенія, которое мы въ настоящее время переживаемъ...

Роль Кореи въ настоящемъ столкновеніи между Россіей и Японіей могла быть, само собою разумѣется, лишь пассивною. Не обладая ни флотомъ, ни сухопутными силами, ни финансовыми средствами, Корея не могла охранить свою неприкосновенность, и территорія ея безъ единого выстрѣла была наводнена японскими войсками. Снова былъ занятъ Сеулъ японцами, и повелитель Кореи попалъ въ руки своихъ недавнихъ враговъ, теперешнихъ «друзей» и «союзниковъ».

Въ недалекомъ будущемъ Корей предстоитъ опять, какъ и въ

минувшіе вѣка, сдѣлаться ареною борьбы между Востокомъ и Западомъ и—на этотъ разъ — между арійской и монгольской расами, между европейской и азіатской цивилизаціями! Снова отзывается на судьбѣ Кореи фатальное географическое положеніе страны, по которому она является мостомъ, перекинутымъ съ азіатскаго континента на японскіе острова! Надъ несчастною «Страною Утренняго Спокойствія» какъ бы свершается злой рокъ, преслѣдовавшій ее въ теченіе всей предшествовавшей исторической жизни!...

